

● СТРАХОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

В общеобразовательных школах нашей страны проводится добровольное страхование школьников от несчастных случаев, которые могут произойти во время пребывания в школе, занятий физкультурой и спортом, дома, на улице, на даче, в пионерском или спортивном лагере и т. д.

Для заключения договора страхования достаточно в сентябре—октябре уплатить страховой взнос в размере 2 рублей агенту-совместителю из числа сотрудников школы, и школьник будет застрахован на период с 1 сентября по 31 августа будущего года. Это страхование может ежегодно возобновляться.

Порядок выплаты страхового пособия или страховой суммы определяется Правилами страхования школьников от несчастных случаев.

По всем вопросам, касающимся страхования школьников, Вы можете обращаться в инспекцию государственного страхования того района, в котором находится школа. Там же Вы можете ознакомиться с полным текстом Правил страхования школьников от несчастных случаев.

Главное управление государственного
страхования СССР

№ 20

1988

Иван БОЧАРОВ,

Юлия ГЛУШАКОВА

БУТУРЛИНЫ —
ДРУЗЬЯ ПУШКИНЫХ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

Иван БОЧАРОВ,
Юлия ГЛУШАКОВА

БУТУРЛИНЫ — ДРУЗЬЯ ПУШКИНЫХ

ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ РАЗЫСКАНИЙ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

ИВАН БОЧАРОВ, ЮЛИЯ ГЛУШАКОВА

Иван Николаевич Бочаров (род. в 1929 году) и Юлия Петровна Глушакова (род. в 1932 году) — историки и журналисты, окончили исторический факультет МГУ. И. Н. Бочаров заведует отделом культуры еженедельника «За рубежом», Ю. П. Глушакова — научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

В 1958—1959, 1963—1971 и 1974—1978 годах они жили и работали в Италии, где многократно бывали и в последующем, продолжая разыскания реликвий отечественной культуры и истории. Начатые в Италии поиски нередко оканчивались интересными находками также на территории других стран, приводили к важным открытиям в советских музейных и архивных хранилищах.

Особое место в поисках И. Н. Бочарова и Ю. П. Глушаковой наряду с выявлением произведений русских художников, живших и работавших в Италии, занимала пушкинская тема, разыскания в архивах русских людей и иностранцев, входивших в близкое окружение поэта, архивах, которые по тем или иным причинам находятся ныне за пределами нашей страны. О результатах своей работы И. Н. Бочаров и Ю. П. Глушакова рассказали в серии выступлений на страницах советской и итальянской печати, а также в книгах «Карл Брюллов. Итальянские находки». М., 1977; «Русский клуб у фонтана Треви». М., 1979; «Венецианская Пушкиниана». М., 1982; «Каприйские встречи». М., 1984; «Карл Брюллов». М., 1984—1985; «Орест Кипренский. Из итальянских разысканий». М., 1986.

Работы И. Н. Бочарова и Ю. П. Глушаковой удостоивались премий советских органов печати, Института истории СССР АН СССР и были, кроме того, отмечены Международной премией города Рима за 1976 год и премией газеты «Арена», выходящей в городе Верона.

На обложке: И. Эндер. Портрет Д. П. Бутурлина. Акварель. Италия. Частное собрание.

БУТУРЛИНЫ — ДРУЗЬЯ ПУШКИНЫХ

Мы мало знаем о детстве Пушкина. А то, что знаем, в значительной мере связано с семьей Бутурлиных, дальних родственников Пушкиных, живших, как и родители будущего великого русского поэта, в Немецкой слободе «допожарной» Москвы. Там, писал Пушкин, «пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и дешевому хлебосольству».

В этом аристократическом районе старой русской столицы обитали видные представители русского дворянства того времени: Куракины, Голицыны, Воронцовы, Нарышкины, Демидовы, Разумовские. Крупным книголюбом и ученым был А. И. Мусин-Пушкин, издатель таких прославленных письменных памятников отечественной истории и культуры, как «Русская правда» и «Слово о полку Игореве». Известным библиофилом своего времени был Дмитрий Петрович Бутурлин, собравший библиотеку в 40 тысяч томов, которая включала в себя редчайшие издания и рукописные документы вроде переписки Генриха IV со своим министром Скулли. Славилась собранная в Париже библиотека дяди поэта Василия Львовича Пушкина, в которой с увлечением занимался и сам Д. П. Бутурлин.

Богатейшее книжное собрание Дмитрия Петровича также было открыто для посещения и занятий, ибо его хозяин следовал известным словам Петrarки: «Нельзя держать книги запертыми, словно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память».

В самом деле, как сообщает один из иностранных путешественников, посетивших Москву в начале прошлого века: «Библиотека (Д. П. Бутурлина. — И. Б. и Ю. Г.)..., несмотря на огромность зал, зимою постоянно отоплена. Довольно легко получить дозволение пользоваться ею. Здесь книги собраны не только для тщеславия; хозяин сам пользуется ими и представляет их другим».

Среди посетителей дома и библиотеки Д. П. Бутурлина были лучшие представители московской интеллигенции и образованные иностранцы. Дмитрий Петрович в юности с отцом навещал в деревне преследуемого Екатериной II Н. И. Новикова. В доме библиофила бывали

И.И.Дмитриев, Н.М.Карамзин, директор Московского университета И.П.Тургенев с сыновьями, один из которых, Николай, стал декабристом. Последний вместе с братом Александром позднее был дружен с А.С.Пушкиным. Завсегдатаями Бутурлиных были и братья Василий Львович и Сергей Львович Пушкины.

В доме жило полно иностранцев — гувернеров и гувернанток, воспитателей, учителей, художников, музыкантов, просто приживалок. Среди них и среди чужестранных посетителей и знакомых Бутурлиных были люди небезызвестные — поэт и живописец Сальватор Тончи, художник Молинари, профессор П.И.Жилле, начинавший свою карьеру в России с должности гувернера сначала в доме Загряжских, потом — Бутурлиных. Пению детей Бутурлиных обучал итальянец Перотти, некий прообраз Трике в «Евгении Онегине», который донельзя смешил слушателей забавной путаницей русских слов во время исполнения торжественных церковных хоров, выговаривая вместо слов «и во веки веков, аминь» — «и во веки волков, аминь», а вместо «хвалите господа с небес, хвалите его в вышних» — «хвалите его в вишнях»...

П. А. Вяземский — человек язвительный, обычно не жаловавший современников в своих мемуарных записках, о Д.П.Бутурлине и его образности говорит с неизменным восхищением: «...Были у него два особенных свойства, лингвистическое и топографическое. Не только знал он твердо многие европейские языки, но и различные их областные наречия... Никогда еще не выезжавши из России, он хранил в памяти планы первейших столиц и городов в Европе... Это служило часто поводом к забавным мистификациям над иностранцами, посещавшими Москву. Он закидывал их сведениями и выдавал за человека, объехавшего всю Европу... Каково же было изумление слушателей, когда узнавали они, что этот полиглот, что этот наблюдательный странствователь никогда не переступал русской границы».

В подтверждение этих слов П. А. Вяземского мы читаем в мемуарах Л.-Э. Виже-Лебрен, известной французской портретистки, побывавшей в 1800 году в Москве: «Граф Бутурлин был одним из самых выдающихся людей по своей учености и знаниям. Он говорил с удивительной легкостью на многих языках, а разнообразнейшие сведения придавали его разговору чрезвычайную прелесть, но это его преимущество несколько не мешало ему отменно держаться просто, равно как и принимать радушно всех своих гостей. У него была в Москве огромная библиотека, состоявшая из различных иностранных и самых дорогих книг; память его была такова, что если он упоминал о каком-нибудь историческом факте, то он сейчас же прибавлял, из какой именно книги он это знает и где именно, в какой зале и на какой полке стоит эта книга... Я это испытала на себе, когда он говорил со мною о Париже, о его памятниках и достопримечательностях, и даже вскричала: не может быть, чтобы вы не были в Париже!»

Сын библиофила Михаил Дмитриевич Бутурлин рассказывает, что однажды на каком-то светском вечере отец присутствовал на чтении одним французом только что сочиненных им стихов. Решив поместифицировать незадачливого поэта, Дмитрий Петрович упрекнул француза в том, что он выдает чужие стихи за свои. Шокированный автор стал уверять, что стихи действительно принадлежат ему и что он сложил их тут же на вечере. Библиофил тогда предложил ему в доказательство своей правоты снова прочесть стихи, но тот отказался, говоря, что уже не помнит их. «А вот я помню, и это подтверждает, что стихи мои, а не ваши», — заявил Дмитрий Петрович и тут же повторил без единой запинки обомлевшему французу его экспромт. Сконфуженный стихотворец при этом прямо-таки лишился дара речи и обрел присутствие духа только после того, как Бутурлин признался, что он просто решил пошутить над ним.

В Москве широкой известностью пользовалась история, случившаяся с одним французским издателем, который выпустил в свет роскошное издание «Телемака» Фенелона и, не сомневаясь в тщательности работы своих корректоров, ради рекламы объявил во всех европейских газетах, что готов выплатить довольно значительную сумму, равную по тем временам 100 русским червонцам, за каждую обнаруженную опечатку. Ни в Лондоне, ни в самом Париже не встретилось людей, которые бы нашли огрехи в этом издании. А москвич Д. П. Бутурлин отыскал в книге целых пять опечаток, поручив издателю раздать выигранные им 500 червонцев его, русского графа, землякам...

При всем этом Дмитрий Петрович оставался человеком своего времени и не был свободен от причуд, свойственных даже просвещенным русским барам, в особенности в Москве. Об этих «оригиналах» мы хорошо знаем и из художественной литературы на примере старого князя Болконского в «Войне и мире» и из мемуаристики. Причуды причудам, впрочем, были рознь. Одно дело тиранические выходки по отношению к своим близким умного, но стареющего Николая Андреевича Болконского, с его манией порядка и ненависти к праздности. И совсем другое дело, например, были дикие нравы дяди А. И. Герцена, о котором он пишет в «Былом и думах»: «Это было одно из тех оригинально-уродливых существ, которые только возможны в оригинально-уродливой русской жизни. Он был человек даровитый от природы и всю жизнь делал нелепости, доходившие часто до преступлений. Он получил порядочное образование на французский манер, был очень начитан, — и проводил время в разврате и праздной пустоте до самой смерти. Он начал свою службу тоже с Измайловского полка, состоял при Потемкине чем-то вроде адъютанта, потом служил при какой-то миссии и, возвратившись в Петербург, был сделан обер-прокурором в синоде. Ни дипломатический круг, ни монашеский не могли укротить необузданный характер его. За ссоры с архиереями он был отставлен, за пощечину, которую хотел дать или дал на официальном обеде у генерал-губернатора како-

му-то господину, ему был воспрещен въезд в Петербург. Он уехал в свое тамбовское имение: там мужики чуть не убили его за волокитство и свирепости; он был обязан своему кучеру и лошадям спасением жизни.

После этого он поселился в Москве. Покинутый всеми родными и всеми посторонними, он жил один-одинехонек в своем большом доме на Тверском бульваре, притеснял свою дворню и разорял мужиков. Он завел большую библиотеку и целую крепостную сераль, и то и другое держал взаперти...

Братья и сестры его боялись и не имели с ним никаких сношений, наши люди обходили его дом, чтоб не встретиться с ним, и бледнели при его виде; женщины страшились его наглых преследований, дворовые служили молебны, чтоб не достаться ему».

Причуды Д. П. Бутурлина были вроде причуд старого князя Болконского. Его гости, какими бы знатными они ни были, если опаздывали хоть на минуту на домашние представления, находили двери дома графа запертыми; в доме был странный распорядок жизни, согласно которому хозяин семьи предпочитал обедать отдельно от своих близких, и т. п. Поэтому не стоит усматривать портрет графа Д. П. Бутурлина в одной из «нравственных карикатур», набросанных К. Н. Батюшковым в его знаменитой «Прогулке по Москве», ибо писатель взял отдельные реальные черты библиофила для создания обобщенного образа богатого московского вельможи, прохлаждающегося в «огромных палатах с высокими мраморными столбами»: «Хозяин целый день зевает у камина, между тем как вокруг его все в движении, роговая музыка гремит на хорах, вся челядь в галунах, и роскошь опрокинула на стол полный рог изобилия. В этом человеке все страсти исчезли, его сердце, его ум и душа износились и обветшали. Самое самолюбие его оставило. Он, конечно, великий философ, если совершенное равнодушие посреди образованного общества можно назвать мудростью. Он окружен ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которых он презирует от всей души, но без них обойтись не может. Его тупоумие невероятно. Пользуясь всеми выгодами знатного состояния, которым он обязан предкам своим, он даже не знает, в каких губерниях находятся его деревни; зато знает по пальцам все подробности двора Людовика XIV по запискам Сен-Симона, перечтет всех любовниц его и регента, одну после другой, и назовет все парижские улицы. Его дом можно назвать гостиницей праздности, шума и новостей, посреди которых хозяин осужден на вечную скуку и вечное бездействие. Вот следствие роскоши и праздности в сей обширнейшей из столиц, в сем малом мире».

«Нравственную карикатуру» К. Н. Батюшкова нельзя отождествлять с Д. П. Бутурлиным уже хотя бы потому, что праздность была органически чужда библиофилу, который относился к книгам не как собиратель, а как ученый и в течение всей своей жизни, по его словам, «ни разу не ложился спать без того, чтобы не приобрести какого-нибудь нового познания в течение дня».

Маленький Александр Пушкин с сестрой Ольгой, по воспоминаниям писателя-карамзиниста М. Н. Макарова, в 1808—1809 годах бывал в доме Бутурлиных, своих дальних родственников. Бабушка будущего поэта Мария Алексеевна Ганибал приходилась троюродной сестрой Артемию Ивановичу Воронцову, отцу хозяйки дома Анны Артемьевны. Артемий Иванович к тому же был воспитанником Александра Пушкина при крещении. Дом стоял на реке Яузе, и к нему примыкал обширный сад с теплицами и оранжереями, в которых хозяин, среди прочего увлекавшийся и ботаникой, выращивал всякие экзотические растения, вызывавшие восхищение даже у проезжих иностранцев.

Знаменитая библиотека занимала в доме Бутурлиных три огромные залы на первом этаже. Четвертая просторная зала была отведена под физический кабинет.

Английский путешественник Кларк, посетивший Россию в начале прошлого века, рассказывал в своих записках, изданных в Лондоне в 1810 году: «Библиотека, ботанический сад и музей графа Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе. Этот вельможа не только собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например, Виргилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку».

В физическом кабинете Д. П. Бутурлин проводил всевозможные опыты. Когда дети подросли, зала перешла в их распоряжение, а оборудование кабинета поступило в Московский университет. В этой-то зале Александр и Ольга Пушкины встречались с юным поколением Бутурлиных и их сверстниками из других московских семей.

Младшее поколение Бутурлиных тогда состояло из сыновей Петра и Михаила, родившихся соответственно в 1794 и 1807 годах, и дочерей: Марии, появившейся на свет в 1795 году, Елизаветы, родившейся в 1804 году, и Софьи, 1806 года. Софья умерла в возрасте семи лет. Остальные дети Бутурлиных, включая и родившуюся в 1813 году дочь Елену, дожили до преклонного возраста.

Детей воспитывали в доме Бутурлиных в духе просвещения, прививая им чувство уважения к человеческому достоинству. «...Чваниться с прислугой строжайше было нам запрещено, — вспоминал младший сын библиофила М. Д. Бутурлин. — Не только что официанты и лакеи не давали нам титула сиятельства, но более почетные из них, как, например, камердинеры нашего отца, столовой дворецкий и буфетчик и, конечно, наши няни и старшая горничная нашей матери называли нас просто «Маша», «Соня», но никогда не забывались перед нами».

Последние слова этой фразы у нас, живущих в последней четверти XX века, могут вызвать только недоумение. Но мы не должны забывать, что речь идет о временах, когда в России правил Аракчеев, когда существовала буквально пропасть между положением помещиков и крепостных. Причем проживавших не где-нибудь в медвежьих уголках страны, а в ее новой столице Петербурге. Вспомним хотя бы о печаль-

ной памяти «Полторачихе» — Агафоклее Александровне Полторацкой, известной петербургской домовладелице и помещице, обладавшей громадным состоянием в 13 тысяч душ. «Полторачиха» славилась тем, что главным орудием воспитания и крепостных, и собственных детей считала розгу. Крики истязуемых людей на эту изуверку влияли как успокоительное средство. Страдая бессонницей, она ночами приказывала сечь крестьян прямо перед окнами своей спальни. Современники рассказывают, что «стоны и крики избиваемых действовали на нее как морфий, и она тотчас засыпала». А ведь речь идет о той самой Агафоклее Александровне Полторацкой, которая была родной матерью Елизаветы Марковны Полторацкой, в замужестве Олениной, хозяйки известного литературного салона первой трети XIX века...

«Нечего и говорить, что о телесных наказаниях у нас и слуха не было», — вспоминал Михаил Дмитриевич. Он рассказывал далее, касаясь отношений с прислугой: «Не слышал я никогда, чтобы отец мой обозвал кого-либо дураком. Вспылит, бывало, но через две минуты все проходило и тут же он подзовет для какого-нибудь приказанья провинившегося человека. — «Эй ты, голубчик, поди-ка сюда»... Боже избави, чтобы мы, дети, осмелились сказать бранное слово кому-нибудь, а если кто из нас поднял бы руку в запальчивости, то велено было этим же и нам отплатить».

Для старших детей по субботам устраивались танцевальные вечера, в которых иногда принимал участие и маленький Александр Пушкин.

Одна современница так вспоминала об этих вечерах: «Года за два или за три до французов, в 1809 или 1810 году, Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно — не могу сказать наверно, а думаю, что Бутурлиных. (Сведения эти неверны, Пушкины никогда не арендовали дома у Бутурлиных. — И. Б. и Ю. Г.) Я туда ездила со своими старшими девочками на танцевальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой, с Грибоедовой (сестрой того, что в Персии потом убили); бывали тут еще девочки Пушкины и другие, кто — не помню хорошенько.

Пушкины, продолжает мемуаристка, жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались.

Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу, огорожен кругом стульями: кто-нибудь накуролесил и за то оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол, и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за

живое задела и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдает порядком: то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем и не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это все кончится, ежели он не переменится». Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: «Ведь экой шалун ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы».

В домашнем театре Бутурлиных ставились итальянские оперы и комедии Гольдони и Мольера. Дмитрий Петрович, обладавший отличным голосом и артистическими данными, с успехом исполнял в спектаклях главные роли. Многосторонне одаренный, он увлекался и литературой, писал, по свидетельству сына Михаила, прекрасные французские стихи.

В доме часто собирались литераторы, читавшие свои произведения. Будущий поэт жадно внимал чтцам, не удерживаясь от выражения своих чувств, когда находил смешными сочинения и чересчур напыщенной декламацию некоторых авторов. Заступаясь за мальчика, который сконфузил своих родителей, громко засмеявшись во время выступления одного незадачливого литератора, живший у Бутурлиных ученый гувернер-француз Реми Жилле сказал вещие слова: «Чудное дитя! Как он рано все начал понимать! Дай бог, чтобы этот ребенок жил и жил: вы увидите, что из него будет».

Реми Жилле, которого со временем на русский лад переименовали в Петра Ивановича Жилия, прожил долгую жизнь и умер восьмидесятилетним старцем в начале 1849 года, намного пережив юного поэта, которому он предсказал великую будущность. Судьба вновь свела обрусевшего ученого француза с поэтом в Одессе, где Жилле состоял сначала профессором, а затем директором аристократического Ришельевского лицея, но сведений об их встрече не сохранилось.

Приведем еще одну зарисовку «бутурлинских вечеров», которую мы находим у М. Н. Макарова.

«В теплый майский вечер, — рассказывает М. Н. Макаров, — мы сидели в московском саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П... упомянул о даре стихотворства в Александре Сергеевиче. Графиня Анна Артемьевна (Бутурлина), необыкновенная женщина в светском обращении и приветливости, чтобы как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалой только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девушек, иностранок и русских, почти тут же окружили Пушкина с своими альбомами и просили, чтоб он написал для них хоть что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел

детский катрен поэта и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на «о». Александр Сергеевич успел только сказать: «Ah! mon Dieu»*, и выбежал.

Я нашел его в огромной библиотеке графа Дмитрия Петровича; он разглядывал затылки сафьяновых фолиантов и был очень недоволен собой. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «Повесите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков».

Вошел граф Дмитрий Петрович с детьми, чтоб показать им картинки какого-то фолианта. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой».

Вот, собственно, все из того, что дошло до нас о встречах юного поэта с семейством Бутурлиных.

С отъездом Александра Пушкина на учебу в Царскосельский лицей прекратилось его общение с Бутурлиными. Вновь он встретился со старыми знакомыми, как свидетельствует П.И.Бартенев, первый биограф Пушкина, лишь после выпуска из лицея в 1817 году в Петербурге. Однако нельзя исключать и других встреч с Пушкиным семьи библиофила, учитывая, что зиму после войны 1812 года, стоившей им потери собственного дома в Москве, Бутурлины вплоть до отъезда в Италию летом 1817 года обычно (за исключением зимы 1815—1816 годов) проводили в Петербурге, где жили и родители поэта, поддерживали с ними тесные родственные связи. А родители Пушкина очень часто навещали сына, побывав у него в 1814 году — 11, в 1815 — 15, в 1816 — 9 раз. В конце 1816 года лицеистов впервые отпустили на каникулы к родителям, и Пушкин провел тогда в Петербурге 9 дней — с 24 декабря 1816 по 1 января 1817 года. Бутурлины в это время также жили в Петербурге. В 1817 году, когда семья библиофила еще была в Петербурге, Пушкин дважды приезжал в город: в марте во время пасхальных каникул и в конце мая — начале июня — «для обмундировки», а с 11 июня, после окончания лицея, он уже жил с родителями в квартире на Фонтанке близ Калинкина моста и, пока не уехал с родителями, братом и сестрой в начале июля в Михайловское, в это время мог не один раз повстречаться с семейством Бутурлиных.

В августе 1817 года Д. П. Бутурлин, который давно страдал тяжелой астматической болезнью, по рекомендации врачей уехал со всей своей семьей в Италию. На родину он уже не вернулся. Дмитрий Петрович умер в 1829 году во Флоренции и был похоронен в русской православной церкви в Ливорно (разрушенной бомбежкой в годы второй мировой войны).

Навсегда остались в Италии жена Дмитрия Петровича Анна Артемьевна, урожденная Воронцова, надолго пережившая мужа и скончав-

* О, господи. (Франц.).

шаяся в 1854 году, и все их дети, исключая лишь младшего сына Михаила, возвратившегося в Россию. Постепенно потомство Бутурлиных растворилось в итальянской аристократической среде.

Черты Анны Артемьевны и Дмитрия Петровича в молодости нам известны по портретам выдающихся русских художников XVIII века. Превосходное изображение «черноглазой Анюты», как ее звали домашние, еще девочкой нам оставил Дмитрий Левицкий, сумевший передать живость характера и душевную привлекательность этого чудного юного создания. Прекрасные портреты четы Бутурлиных в год их свадьбы в 1793 году написал Федор Рокотов, создав образы, полные глубокой человечности, обаяния и благородства. Но более поздних изображений знаменитого библиофила и его красавицы жены в нашей стране не сохранилось, и мы не знали до самого последнего времени, как выглядела эта супружеская чета в те годы, когда в их доме бывал юный Александр Пушкин...

Карьера вернувшегося в Россию Михаила Дмитриевича Бутурлина не задалась. Бретер и кутила, он быстро промотал отцовское состояние и кончил свои дни мелким губернским чиновником.

Талантов у молодого Бутурлина было хоть отбавляй, но ни один из них он не развил до конца. Он то было хотел пойти по военной части, то испытывал свои способности в качестве оперного певца, то брался за кисть и обнаруживал в себе призвание художника, то замышлял сделаться реставратором картин. Погубили его отсутствие привычки к систематическому труду и разгульный образ жизни, любовь, как он выражался сам позднее, к «обезглавливанию бутылок» с французским шампанским, чем он увлекался без меры.

Пробовал М. Д. Бутурлин свои силы и как историк, приняв участие в публикации документов о русско-итальянских связях в XVII веке. На этой стороне деятельности сына библиофила стоит остановиться подробнее.

...В одном из залов самой знаменитой картинной галереи флорентийского музея Питти — галереи «Палатина», где собраны шедевры Возрождения, ныне висит портрет маслом мужчины средних лет в высокой шапке с собольей опушкой и богатом одеянии необычного кроя. Свободная накидка и костюм из роскошной розовой и голубой штофной ткани с растительным орнаментом спадают широкими складками с несколько грузного тела. Отвороты накидки расшиты жемчугом, круглый воротник — соболем. Лицо с несколько настороженным и недоверчивым, но умным и цепким взглядом глубоко посаженных глаз — слегка восточного склада. Черные свисающие усы, черная борода.

В картине все говорит о том, что это не итальянец, а пришелец из чужих краев. На портрете и в самом деле изображен перекресток наместник Иван Иванович Чегодамов, побывавший с «посольской миссией» по поручению царя Алексея Михайловича в Италии в 1656—1657 годах.

Автор портрета — Джусто Сустерман (1597—1681 гг.), один из лучших представителей реалистической фламандской школы живописи XVII века, долгие годы живший и работавший в Италии.

Во Флоренцию Сустерман приехал в 1620 году в расцвете своего таланта и прожил там до смерти. Он стал практически придворным портретистом Медичей и создал целую серию изображений этого могущественного флорентийского рода. Но подлинным его шедевром является портрет великого итальянского ученого Галилео Галилея, находящийся сейчас в галерее Уффици во Флоренции.

Великолепно и изображение Чегоданова — один из первых портретов наших далеких соотечественников, написанный в подлинно реалистической, а не иконописной манере и ярко представляющий живой облик русского человека середины XVII века.

Портрет Чегоданова был написан с натуры в период короткого пребывания последнего во Флоренции в 1656 году по пути возглавляемого им русского посольства из Ливорно в Венецианскую республику. Посольство это, насчитывавшее около 30 человек, было ответом на визит в Москву венецианцев во главе с Альберто Вимином да Ченеда.

Из отчета Чегоданова о путешествии в далекую Италию мы узнаем, что Алексей Михайлович повелел ему, Чегоданову, идти «на свою государеву службу в Немцы, в Винецкую землю в посланниках» 6 мая 1656 года. Шла война с Польшей, и поэтому посольство Чегоданова вынуждено было отправиться в путь кружным, северным путем. Выхав 17 июля из Москвы, через месяц, миновав Переславль и Вологду, Чегоданов добирался до Архангельска, откуда на двух английских судах отчаливает к берегам Италии.

Путешествие длилось долгие месяцы. Пройдя Гамбург и Бремен, миновав Ирландию, обогнув берега Франции, посольство только в ноябре, наконец, оказалось в пределах Средиземного моря: «И октября со 12 числа по 23 число шли по морю, до Шпанского моря, против французских земель морем Облатским».

После тяжелого пути среди штормов Атлантики и ежечасной угрозы встречи в Средиземном море с враждебными турецкими кораблями Чегоданов 19 ноября достиг острова «Коршика», а 25 ноября корабли с послами «Москови» останавливаются на рейде порта Ливорно, откуда они должны были продолжить путешествие по сухопутью.

В Ливорно в честь прибытия русской миссии был дан салют.

Пребывание в Ливорно длилось около 4 недель. Русское посольство обосновалось в палатах у «гостя» Карлуса. Чегоданов не терял там времени даром, изучая чужой край и нравы его жителей, о чем он потом подробно поведал в своей реляции. Начиная с пребывания в Ливорно к известному с давних пор рассказу Чегоданова о поездке в Италию прибавляется еще один интереснейший источник.

Дело в том, что Г. А. Чертков, сын известного русского историка, археолога и книгособиравателя, будучи в 1867 году во Флоренции, заказал

в тамошнем архиве копии с подлинных документов XVII века, касающихся России. Публикация этих материалов с переводом на русский язык и с обширным комментарием была осуществлена М. Д. Бутурлиным в 1871 году. Среди этих материалов были и донесения агентов тосканского герцога Фердинанда II Медичи, которым, оказывается, дали задание следить за каждым шагом русских дипломатов и ежедневно письменно доносить об этом. Тосканский герцог намерен был пригласить миссию во Флоренцию для установления связей с Русским государством. В ожидании приезда послов Фердинанд II усиленно изучал материалы донесений своих агентов в Ливорно.

Как следует из опубликованных Михаилом Дмитриевичем документов, руководил слежкой Антонио Серристори. В своих донесениях он характеризовал состав русского посольства и информировал о ходе переговоров, которые оно вело в Ливорно. Серристори обрисовывал образ жизни, привычки, одежду русских людей: «Одеваются немного различнее от армян, с воротниками и шапками и отпускают бороду на подобие капуцинов. Одеяния их великолепны и унизаны жемчугом; так же и на воротнике, и на шапке...»

В донесении от 13 декабря 1656 года Серристори сообщает очень интересную деталь, имеющую непосредственное отношение к идее создания портрета, который украшает теперь музей Питти. Обращаясь к герцогу, он пишет: «Вчера я отрядил вслед за господами послами не мудрого одного живописца, проживающего здесь, и которому удалось их рассмотреть настолько, что он обещался начертить маленький их очерк, по доставлении мне которого, я перешлю его к вашему высочеству, из чего удобнее вам будет усмотреть их одеяние».

Но уже через день Серристори докладывает: «Тот живописец, на которого я было положился касательно рисунка, оказался еще менее способным, чем я ожидал, но, невзирая на это, я препровождаю оный рисунок к вашему высочеству...» Так при дворе Медичи пришли к мысли о повторении портрета Чегоданова, но теперь уже первоклассным живописцем, каким был Сустерман.

Чегоданов с посольством находился во Флоренции лишь с 25 декабря 1656 года по 1 января 1657 года, и портрет мог быть написан Сустерманом именно в эти дни. Талантливый фламандский художник сумел передать в образе Чегоданова сильную личность, ум, волю и сдержанное достоинство. Любопытно сравнение этого изображения с портретом самого Фердинанда II кисти Сустермана, находящимся тоже в музее Питти. Беспощадной кистью художника-реалиста Сустерман выписал характер высокомерного и слабовольного властелина, который известен в истории тем, что сначала пытался играть роль мецената и поддерживал Галилея, а потом выдал его папской инквизиции...

Такова история создания Сустерманом портрета И. И. Чегоданова, которую публикация М. Д. Бутурлина обогатила столь любопытными новыми штрихами.

Но определенную известность Михаилу Дмитриевичу дали все же не исторические изыскания, а обширные мемуары, которые являются ценным источником сведений о жизни русской колонии в Италии в первой половине прошлого века и о пушкинском окружении времен детства и периода одесской ссылки поэта, когда в канцелярии новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова одновременно с Пушкиным служил и молодой М. Д. Бутурлин.

Эти мемуары, опубликованные в конце прошлого века, служили для нас первым путеводителем по Италии в поисках дальних потомков Бутурлиных, родственников Пушкиных. Мы надеялись обнаружить у них пушкинские реликвии, а также другие ценные материалы, относящиеся к истории России.

Бутурлиных связывали родственные узы, светские и иные отношения со многими русскими людьми прошлого века, которые играли видную роль в политической и культурной жизни нашей страны. Дед Д. П. Бутурлина — Александр Борисович Бутурлин за взятие Берлина во время Семилетней войны получил звание фельдмаршала. По линии матери — Марии Романовны, урожденной Воронцовой, Дмитрий Петрович был племянником канцлера Александра Романовича Воронцова (бывшего его воспитателем) и крупного русского дипломата Семена Романовича Воронцова, а также их сестры Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой, президента двух российских академий, сподвижницы Екатерины II. В число друзей и знакомых Бутурлиных входили и государственные деятели, и дипломаты, и литераторы, и художники. Что касается последних, то среди них были Карл Брюллов, писавший с Бутурлиных, по его собственному письменному свидетельству, портреты, Орест Кипренский, бывавший в доме библиофила во Флоренции, Сильвестр Шедрин, работавший в Риме по заказу Дмитрия Петровича над видами «Вечного города». Ни одна из этих работ не была опубликована или описана в литературе...

Мужское потомство Бутурлиных в Италии ныне прекратилось, а по женской линии фамилии за много поколений так часто менялись, что добраться до первоосновы родства сейчас очень трудно.

Приехав в 1817 году во Флоренцию, Бутурлины сначала жили в снятом ими палаццо Гвичардини, по соседству с огромным дворцом Питти, резиденцией великого герцога Тосканы (Тоскана тогда была отдельным государством). В 1824 году Бутурлины переехали в собственный четырехэтажный палаццо, купленный Дмитрием Петровичем для своей многочисленной семьи. Это был старинный дворец Никколини, построенный в 1550 году знаменитым зодчим флорентийского Возрождения Доменико ди Баччо д'Аньоло.

Поиск мы начали с палаццо Никколини, иначе называемого во Флоренции палаццо Бутурлиных, по имени его русских хозяев. Этот красивый старинный дворец, который завершает открытая лоджия с колоннами, располагается в самом сердце старой Флоренции, неподалеку от

собора Санта Мария дель Фьоре с его грандиозным куполом, возведенным Брунеллески. Дворец принадлежал потомкам Бутурлиных вплоть до 1918 года, а теперь в нем размещаются различные городские учреждения.

Во дворце Никколини — Бутурлиных нам удалось узнать немного, но и это немногое было чрезвычайно ценно для ведения дальнейших поисков. Последними его частными владельцами были маркизы Антинори, состоящие, как нам сообщили, в родстве с потомками Бутурлиных.

Адреса маркизов Антинори во Флоренции разыскивать не приходилось. Он общеизвестен. В двух шагах от палаццо Никколини, в центре Флоренции, находится площадь Антинори, которую украшает одноименный дворец, один из шедевров итальянского Возрождения. Но и тем, кто не интересуется искусством и историей, фамилия Антинори в Италии хорошо знакома, потому что маркизы производят знаменитое тосканское вино «кьянти».

В палаццо Антинори портье, одетый в темно-синюю ливрею, сухо объяснил нам, что на прием к хозяину можно записаться только через администрацию «Дома». Слово «Дом» он произносил с нажимом, желая, видимо, подчеркнуть, что речь идет о всемирно известной винодельческой фирме и о родовой фамилии, корни которой уходят в глубину столетий.

Был час обеда, и нам как нельзя кстати пришелся обнаруженный во внутреннем двореке палаццо погребок-тратория. Заведение оказалось небольшим, но очень уютным. Стены и потолок в погребке были из мореного дуба, мебель стилизована под «крестьянскую старину». Меню тоже, если можно так выразиться, было стилизовано: здесь готовились только традиционные тосканские крестьянские блюда вроде лукового супа и требухи под сыром пармезаном с приправой из бобов с луком, свежих салатов или фасоли в стручках.

Столь изысканная крестьянская простота, как оказалось при изучении счета, обходится клиентам довольно накладно, но мы утешали себя тем, что начали уже в погребке входить в атмосферу «Дома», в котором ожидали найти массу бутурлинских реликвий.

После обеда зашли к администратору, где нас приняла очень высокая и плечистая дама, которая почему-то говорила по-итальянски с английским акцентом, хотя с виду казалась чистейшей итальянкой. Узнав о цели нашего визита, она скептически покачала головой. По ее сведениям, в палаццо никакой русской живописи нет, так же как нет и в жилищах его хозяина русской крови. Она бы уж об этом знала!

— Но я доложу маркизу о вашем визите, — говорила басом управительница. — Маркиз вернется во Флоренцию недели через две. Он не может не знать, кто из его однофамильцев и родственников имеет отношение к вашим соотечественникам...

О своей неудаче во дворце Антинори мы рассказали нашему знакомому, директору крупного флорентийского издательства «Сансони»

Джорджо Саворелли. Он пообещал нам свое полное содействие в налаживании контактов с маркизом Антинори.

Недели через две Саворелли позвонил нам в Рим и торжествующим голосом заявил, что внес полную ясность в проблему родственных связей Антинори с Бутурлиными. Действительно, титулованный винодел в своем роду не имеет никаких русских предков.

Прямым потомком Бутурлиных является его кузен Роберто Антинори, который живет в другом старинном палаццо Антинори — не на одноименной площади, а на улице Борго ди Санта Кроче, близ палаццо Веккьо и базилики Санта Кроче.

— Я уже звонил этому Роберто Антинори, — продолжал Саворелли, — но никак не могу застать его дома. Запишите его номер и называйте сами. Он тоже, кажется, во Флоренции не частый гость, как и его кузен, винодел.

Стали названивать Роберто Антинори, но по его номеру по-прежнему никто не отвечал. Так прошло несколько месяцев. И вдруг на очередной наш звонок ответил мужской голос. От неожиданности мы даже не сразу нашли, что сказать. Тем более что в голосе маркиза — а по телефону ответил нам именно он — мы не почувствовали особого желания говорить с неизвестными людьми, интересующимися его предками. В двух словах постарались рассказать о предмете наших изысканий. Маркиз, недослушав даже, заявил, что мы не ошиблись: он действительно потомок Бутурлиных и у него есть портреты русских предков. Но каким образом мы добрались до него? Кто дал нам его телефон?

Назвали имя Джорджо Саворелли.

— Я не слышал об этом Саворелли, — с раздражением бросал в трубку маркиз. — Кто еще во Флоренции знает вас?

Мы назвали несколько фамилий, но они ничего не значили для флорентийского аристократа. Требовались, как видно, имена титулованных особ.

— Ну, хорошо, — оборвал разговор наш телефонный собеседник. — перезвоните мне через несколько дней.

Сообщили Саворелли о неутешительных итогах первого контакта с Роберто Антинори. Тот пообещал добыть нам рекомендации у знакомых флорентийских нобилей. Одновременно написали подробное письмо самому маркизу, рассказав ему о Бутурлиных и об их месте в русской культуре. К письму приложили наши публикации на итальянском языке об итогах поисков реликвий русской культуры в Италии.

Ответ мы получили не скоро, но в полученном письме маркиз, имея нас почему-то профессорами, неожиданно начал с извинений. Он писал из больницы, где ему пришлось перенести операцию, что и помешало вовремя ответить на наше письмо. По выздоровлении, сообщал Антинори, он готов принять нас в любое время и показать портреты. Надо только предупредить его о нашем визите накануне.

Еще через некоторое время мы получили другое письмо, в котором Антинори сообщал, что вышел из больницы и ждет нашего приезда во Флоренцию.

Так мы попали в другой сумрачный и строгий палаццо Антинори, где на третьем этаже нас встретил невысокий светловолосый мужчина с бледным, болезненного цвета лицом, в котором нетрудно было обнаружить славянские черты. Это был маркиз Роберто Антинори. В гостиной на широком диване было разложено более десятка небольших акварельных портретов Дмитрия Петровича и Анны Артемьевны Бутурлиных и их детей в разном возрасте.

— Здесь все, что у меня хранится в память о моих русских предках, — говорил маркиз, показывая на портреты. — Портреты висят в другом нашем доме. Сюда я принес их, чтобы показать вам вместе с другими доставшимися мне русскими вещами. Вот они. Это серебряный самовар, которым мы, правда, никогда не пользуемся, потому что не знаем, как обращаться с ним. Вот ковш, табакерка с портретом неизвестного мне моего русского предка, прочие безделушки русской работы...

Самовар и табакерка, конечно, нам были ни к чему. Мы не могли оторвать взгляда от портретов людей, которые были современниками Пушкина и знали его еще ребенком.

Дмитрий Петрович Бутурлин, глава семьи, изображен художником в итальянский период его жизни. По слегка отечному лицу и мешкам под глазами видно, что он позировал, будучи уже тяжелобольным человеком. Из мемуаров сына известно, что и после переезда в Италию Дмитрий Петрович продолжал страдать тяжелыми приступами удушья, преследовавшими его до самой смерти. Это не мешало ему и на склоне лет придерживаться заведенного раз и навсегда железного распорядка дня, продолжать научные изыскания и ботанические опыты в саду, который он развел на участке земли, примыкавшем к палаццо Никколини, и отдаваться своей старой страсти к книгособирачеству. Недаром художник изобразил его опирающимся рукою на письменный стол, на котором видны чернильница с пером и стопка исписанных листов бумаги. У него высокий, благородный лоб, обрамленный гривою седых волос, красивые с разлетом брови, умный и исполненный доброты взгляд.

Один из замечательнейших людей своего времени, Д. П. Бутурлин славился не только своей просвещенностью, но и демократичностью убеждений. По словам его сына-мемуариста, «увлекшись в своей молодости либеральными теориями, вызвавшими Французскую революцию, он умолял императрицу отпустить его в Париж, в чем она ему отказала и за что он, рассердившись, оставил службу и переехал на жительство в Москву».

По другим сведениям, опальное положение этого крупного вельможи, крестной матерью которого была сама Екатерина II, объяснялось иными причинами. Рассказывали, что в молодости Дмитрий Петрович вместе с сестрой своей Елизаветой, в замужестве Дивовой, сочинил са-

тирическое произведение, высмеивающее высоких петербургских сановников и не пощадившее даже императрицу, за что Д. П. Бутурлин попался отставкой от службы, а его сестра была выслана в Москву. Во всяком случае, позднее Д. П. Бутурлин всегда предпочитал службе научные занятия. Оппозиционные настроения библиофила не были секретом и для Александра I, который как-то сетовал Анне Артемьевне на нелюбовь ее мужа к его царской особе. Не жаловал и сам самодержец независимого графа, мало ценившего царские милости. Случай редкий по тем временам: Дмитрий Петрович не удостоился ни одного российского ордена, хотя был сенатором и тайным советником, дважды назначался на должность посла (в Рим и в Баварию), но в силу дипломатических осложнений так и не занял этих высоких постов, в течение многих лет состоял директором Эрмитажа. Правда, Михаил Дмитриевич в своих мемуарах утверждал, что отец числился лишь номинально директором, не принимая никакого участия в делах Эрмитажа. Но так, видимо, было позднее, когда библиофила совсем одолела болезнь. А поначалу, судя по сохранившимся архивным данным, он с большой ответственностью и увлечением относился к своим обязанностям, особенно в том, что касалось книжных собраний Эрмитажа. В одном из своих отчетов за 1802 год Д. П. Бутурлин писал, в частности, о судьбе книг Дидро и Вольтера, которые, как известно, были приобретены Екатериной II: «Часть библиотеки, поступившая от Дидро, не имея ни одного замечательного экземпляра, никакой выдающейся особенности, рассылилась в общей массе и попала в общий каталог. Я застал это уже тогда, когда принял управление (Эрмитажем. — И. Б. и Ю. Г.). Библиотека Вольтера не имела подобной участи. Размещенная отдельно, с особым каталогом, она занимает отдельную комнату».

В доме Д. П. Бутурлина, как свидетельствует его сын, «критиковали часто все, что ни делалось в России». Неудивительно поэтому, что вся семья Бутурлиных с сочувствием отнеслась к декабристам, когда во Флоренцию дошла весть о событиях на Сенатской площади, видя в них, как писал М. Д. Бутурлин, «первых добровольных мучеников русской гражданской свободы».

Среди декабристов оказались многие друзья Бутурлиных, а также их родственники Чернышевы. Граф Григорий Иванович Чернышев, его жена Елизавета Петровна, двоюродная сестра Анны Артемьевны, их дети были самыми близкими для Бутурлиных людьми в России, с которыми их связывало не только родство, но и самая тесная и искренняя дружба.

Сын Чернышевых Захар Григорьевич, состоявший членом Северного общества, был осужден на каторжные работы. К 20 годам каторги был приговорен и зять Чернышевых Никита Михайлович Муравьев, муж Александры Григорьевны — один из виднейших руководителей декабристского движения, входивший в число создателей первого тайного общества — Союза спасения, автор одного из проектов декабристской

конституции, человек, заявлявший о своей готовности пожертвовать собой во имя свободы и совершить цареубийство. Пушкин, бывавший в доме Чернышевых и Муравьевых и хорошо знавший Никиту Михайловича, передал с Александрой Григорьевной Муравьевой в Сибирь свое послание декабристам «Во глубине сибирских руд».

Бутурлины переживали как свое семейное горе трагедию, разыгравшуюся в доме Чернышевых. О сцене ареста «заговорщиков» из семьи Чернышевых во Флоренции знали до малейших подробностей, как о том можно судить по строкам мемуаров М.Д.Бутурлина, который описывает ее чуть ли не как очевидец: «Муж и жена Муравьевы и граф Захар Григорьевич гостили там (в имении Чернышевых. — И.Б. и Ю.Г.), как вдруг подкатил к дому жандармский офицер и высочайшим именем арестовал государственных преступников капитана Никиту Муравьева и поручика (или штаб-ротмистра) кавалергардского полка графа Захара Чернышева. Тут сделался первый паралитический удар с несчастною матерью, от которого она умерла спустя два года с небольшим. Н.М.Муравьев пал на колени пред женой, прося прощения (а до того скрывал от нее свое участие в тайном обществе), а она в ответ бросилась ему на шею, заявив, что все и всех оставит в России и последует за ним одна, в ссылку ли, на каторгу ли, ей все равно».

М. Д. Бутурлину принадлежит рассказ и о последующих событиях, когда «Александра Григорьевна Муравьева жила в Петербурге, в ожидании решения судьбы обожаемого мужа; когда же он отправлен был в Сибирь, то она при мне прискакала к матери (в Москву. — И.Б. и Ю.Г.) на одну только ночь (которую, это я хорошо помню, она провела, лежа на полу, рядом с материнской кроватью) и поспешила догнать мужа на этапе по Ярославской или Владимирской дороге... Тайком от всех с Александрой Григорьевной поехали до Ярославля сестры ее, графини Софья, Наталья и Вера Григорьевны, для свидания и прощания с их братом и зятем, на которых они смотрели «как на жертвы самодержавного произвола».

Очень характерно, что Д. П. Бутурлин во Флоренции при всей своей нелюбви к светской жизни бывал в салоне графини д'Альбани, вдовы поэта Альфьери — «ареопаге, как писал Михаил Дмитриевич, политических и литературных европейских знаменитостей». «Ареопага» графини д'Альбани отличалась своей патриотической направленностью, и если русский библиофил делал ради него, по словам сына, «отступление от домоседских своих привычек», то это потому, что ему импонировал не только высокий интеллектуализм этого кружка, который посещали Стендаль, Ламартин, де Сталь, но и царствовавший там дух свободы-любия, верности идеям Альфьери о единой независимой Италии.

Потеряв во время захвата Наполеоном в 1812 году Москвы свою огромную библиотеку, которая частично была разграблена французами, частично погибла в огне, Д. П. Бутурлин в Италии снова занялся книго-собранием и в короткое время создал новую прекрасную книжную

коллекцию. Она уступала его погибшему московскому собранию, но и итальянскую библиотеку Д. П. Бутурлина украшали такие перлы, как, например, древнейшее издание «Божественной комедии» Данте с рукописными пометками, сделанными, согласно преданию, самим автором. Читателя, которого интересует более подробное описание книжных собраний Д. П. Бутурлина, мы отсылаем к превосходному эссе В. В. Кунина, который первым в наше время стал заниматься изучением роли и места в культурной жизни России конца XVIII — начала XIX века этого незаурядного человека. (См. его книгу «Библиофилы и библиоманы». М., 1984, с. 323—362.)

Обаятельной и образованной женщиной была жена библиофила Анна Артемьевна. Выданная замуж по тогдашним обычаям, когда ей едва минула шестнадцатая весна, она и в сорок лет, родив восьмерых детей, во время прогулок со старшим сыном Петром могла сойти за его сестру или жену — такой оставалась красивой и моложавой.

Об этом свидетельствует и акварельный портрет Анны Артемьевны, который, как и почти все остальные изображения Бутурлиных, сохранившиеся у Роберто Антинори, представляет собой овальную картинку размером 14 на 16 сантиметров. На ней «черноглазая Анюта» изображена во всем блеске своей красоты. Художник сумел передать душевное очарование этой женщины, покорявшее ее современников и так располагавшее к ней детей.

На акварели, как и на портрете Д. П. Бутурлина было помечено, что это копии с И. Эндера, и представлена дата — 1820 год.

Иоганн Эндер (1793—1854), австрийский художник-портретист, работал в Италии с 1820 по 1826 год, где был избран членом римской Академии Сан-Лука. Портреты Бутурлиных, по-видимому, были первыми его заказными работами для русской знати, жившей в Италии. Этот дебют оказался удачным и привлек к нему внимание других русских путешественников, которых он писал и в Италии, и по возвращении на родину — в Вене.

Мы не знаем, правда, портретировал ли Эндер Анну Артемьевну с натуры, как ее мужа — пожилого, седовласого и больного человека, каким и был в это время Дмитрий Петрович, — или же художник скопировал ее более ранний портрет. На эту мысль наводит другая акварель Анны Артемьевны из собрания Роберто Антинори, на которой она изображена в той же самой позе и в том же самом белом платье, что и на портрете кисти И. Эндера, без каких бы то ни было следов времени на лице, но подписанной другим художником — Пьетро Карлони — и датированной 1830 годом. А в 1830 году вдове библиографа было уже 53 года, и она никак не могла выглядеть той молодой красавицей, какой она предстает с портретов и Иоганна Эндера, и Пьетро Карлони. По-видимому, оба художника повторили черты русской графини с ее портрета, сделанного в России еще в ту пору, когда в доме Бутурлиных подростком бывал Александр Пушкин.

Роберто Антинори показал нам и акварельный портрет пожилой полной дамы, написанной на фоне Неаполитанского залива, пояснив, что это изображение Анны Артемьевны Бутурлиной кисти неизвестного художника. На основании стилистического анализа мы пришли к выводу, что перед нами, по-видимому, работа Александра Брюллова. Наше предположение подтвердилось, когда позднее мы, занимаясь в фондах Третьяковской галереи, обнаружили там акварельный портрет двух дам, написанных на фоне Неаполитанского залива, как свидетельствовала подпись, Александром Брюлловым. Часть акварели, воспроизводящая стоящую даму, опирающуюся на решетку балкона, которую мы видели у Роберто Антинори, как оказалось, была повторением или копией группового портрета из ГТГ. Однако специалисты Третьяковской галереи, в частности Э.Н. Ацаркина, занимавшаяся иконографической атрибуцией акварели, пришли к выводу, что на ней изображена не Анна Артемьевна, а ее сестра Екатерина Артемьевна (1780—1836). Екатерина Артемьевна, будучи фрейлиной жены великого князя Константина Павловича Анны Федоровны, после развода последних и отъезда великой княгини в Швейцарию часто посещала ее там, много путешествовала по Италии. Вместе с Е. М. Голицыной Екатерина Артемьевна заботилась о больном Сильвестре Щедрина, брала его с собой в поездку по Швейцарии, была знакома с другими русскими художниками. Роберто Антинори, конечно, ошибался, полагая, что на принадлежавшей ему акварели изображена жена Дмитрия Петровича Бутурлина. Сравнение внешности написанной Александром Брюлловым дамы с достоверными изображениями Екатерины Артемьевны убедительно говорит в пользу атрибуции Э.Н. Ацаркиной...

К купным рассказам о встречах юного поэта с семейством библиофила теперь прибавился богатый изобразительный материал, обнаруженный у маркиза Роберто Антинори: портреты участников встреч, родителей и детей Бутурлиных...

У маркиза отыскан групповой акварельный портрет старших трех детей Бутурлиных Петра, Марии и Елизаветы, которые видели в своем доме Александра Пушкина. Неизвестно, однако, насколько они, оставаясь в Италии, имели представление о том, что их маленький гость стал первым национальным поэтом, слава о котором гремела по всей России, насколько они были знакомы с его творчеством. О Пушкине они знали, ибо в такой образованной семье, какою была семья Бутурлиных, при всей ее оторванности от родины не могли не знать, по крайней мере при жизни главы семьи, о поэте, о котором говорила вся Россия. Знали и в результате общения с русскими, которые часто наведывались во Флоренцию. Знали и потому, что старший сын Бутурлиных, Петр, продолжал состоять на государственной службе и часто бывал в России даже тогда, когда эта служба превратилась в чистую формальность и он окончательно со всей семьей осел в Италии.

Но читали Пушкина в семье Бутурлиных, видимо, только родители и старшие дети: Петр и особенно Мария, хорошо владевшая русским языком и учившая ему своего младшего брата Михаила. Младшие же дочери, говорившие по приезду в Италию на английском и французском языках, затем в совершенстве овладели итальянским, а русского в соответствии с духом, царившим тогда в аристократической среде, они, скорее всего, толком никогда не знали, потом же забыли его окончательно.

Об опале поэта в семье Бутурлиных были наслышаны достаточно, раз Дмитрий Петрович наказывал своему сыну Михаилу, отправлявшемуся по достижении 17 лет на службу в Одессу к графу М. С. Воронцову, который приходился юноше двоюродным дядей по матери, остерегаться петербургского изгнанника.

Сам Михаил Дмитриевич так вспоминал о встречах с поэтом: «Проживал тогда в Одессе под надзором графа М. С. Воронцова числившийся на службе при нем (хотя без всяких определенных занятий) А. С. Пушкин, дальний наш по женскому колену родственник; по доброму, старому русскому обычаю мы с первого дня знакомства стали звать друг друга «mon cousin». Нередко встречаясь с ним в обществе и в театре..., я желал сблизиться с ним; но так как я не вышел еще окончательно из-под контроля моего воспитателя, то и не мог удовлетворить вполне этому желанию. Александр Сергеевич слыл вольнодумцем и чуть ли почти не атеистом, и мне дано было заранее предостережение о нем из Флоренции, как об опасном человеке. Он, видимо, это знал или угадал, и раз, подходя с улицы к моему отпертому окну (а жили мы в одноэтажном доме на Тираспольской, кажется, улице), сказал: «Не правда ли, cousin, что твои родители запретили тебе подружиться со мной?» Я ему признался в этом, и с тех пор он перестал навещать меня».

В портретной галерее Антинори целых три изображения Михаила Бутурлина: ребенком трех-четырех лет, когда его еще мог видеть Пушкин до отъезда в Царское Село; лет десяти с небольшим в костюме рыболова с удочкой (копия с И. Эндера) и лет семнадцати, перед поездкой в Одессу. На последнем портрете, выполненном с большим блеском неизвестным художником, перед нами красивый юноша, с кудрявыми, светлыми волосами, очень похожий на мать, хотя и лишенный ее обаяния, с несколько вызывающим выражением лица...

Вера Федоровна Вяземская, приезжавшая в 1824 году на морские купания в Одессу, встречалась там не только с Пушкиным, но и с младшим сыном Д. П. Бутурлина, о котором она оставила такой отзыв в письме от 25 июля 1824 года мужу: «Мое мужское общество, которое ограничивалось Пушкиным, увеличилось за счет маленького Бутурлина, скучного, каким может быть молодой человек в 17 лет, если у него мало ума и невероятная живость».

Автором акварельного портрета М. Д. Бутурлина был художник, явно превосходивший И. Эндера в профессиональном отношении, отлич-

но владеющий рисунком, искусством композиции, прекрасный колорист, мастер психологического портрета, сумевший разгадать в юноше те задатки характера, которые впоследствии привели к крушению его карьеры и неудачам в личной жизни. Кто был этот художник, так великолепно вписавший фигуру изображенного в овал (в отличие от И. Эндера, у которого в портрете Д. П. Бутурлина допущены ошибки в передаче пропорций фигуры, а сама фигура валится на бок)? Нам известно, что в 1824 году, когда Михаилу Дмитриевичу было 17 лет, то есть примерно в то время, когда сделана неизвестным художником разбираемая здесь акварель, К. П. Брюллов писал из Рима в своем письме от 28 июня в Общество поощрения художников: «...Был занят портретами с семейства его сия-ва кн. (Григория Ивановича) Гагарина и его сия-ва графа Бутурлина, с г. полковника Львова, с г. архитектора Кленца, с г. архитектора Мейера и с г. скульптора Вагнера». В нашей искусствоведческой литературе эта фраза истолковывается таким образом, что в 1824 году Брюллов написал портрет одного только Дмитрия Петровича, а между тем из контекста письма ясно следует, что он работал над изображением всех членов семей и Г. И. Гагарина, и Д. П. Бутурлина. Гагаринские портреты К. П. Брюллова, сделанные акварелью и маслом, хорошо известны. О бутурлинских же мы знаем только из вышеприведенных строк письма К. П. Брюллова.

Не он ли был автором нашей акварели? И время создания этого произведения, и его совершенство, и некоторые стилистические особенности делают вполне допустимым такое предположение. Композиционно портрет М. Д. Бутурлина очень близок к выполненному К. П. Брюлловым одновременно акварельному изображению Г. Г. Гагарина. Идентична постановка фигуры в три четверти оборота, повторяется нейтральный фон, очень близка трактовка юношеских образов на той и на другой работе. Юноши как бы пристально всматриваются в необъятную даль, каким представляется им их будущее, в которое они верят, верят в свое место в жизни, в то, что сбудутся все их надежды. От обоих портретов так и веет духом юношеского оптимизма в восприятии жизни, их объединяет общий эмоциональный строй.

Отсутствие подписи — также в манере К. П. Брюллова, очень редко ставившего свой автограф на портретных работах...

Возвращаясь к встречам Михаила Бутурлина с Пушкиным в Одессе, отметим, что дендизм совсем еще юного кузена, щеголявшего своим английским воспитанием и итальянскими привычками, вызвал определенный интерес у поэта. «В другой раз он, — писал М. Д. Бутурлин, — при встрече со мной сказал: «Мой Онегин (он только что начал его тогда писать) — «это ты, cousin». Впоследствии, подружившись в Варшаве в 1832 году с Львом Сергеевичем Пушкиным, я узнал от него, что я заинтересовал его брата-поэта моими несдержанными, Югом отзывавшимися приемами, манерами в обществе и пылкостью наивной моей натуры».

Любопытны другие строки М. Д. Бутурлина-мемуариста о жизни Пушкина в Одессе: «Неразлучным компаньоном великого поэта был колоссальный полумавр и полунегр по имени Али, но его звали **Морали**. Этот человек был, по-видимому, не без средств существования, хотя не имел никаких занятий, и, сколько помнится мне, подозревали, что он нажил состояние будто бы ремеслом пирата. Ходил он в африканском своем костюме с толстой железной палкой в руке вроде лома, и, помнится мне, что он изрядно говорил по-итальянски. Александр Сергеевич и особенно короткие его знакомые собирались почти каждый вечер ужинать в греческом второстепенном ресторане Димитраки, где и засиживались за полночь. Кружок этот состоял из поэта Василия Ивановича Туманского (чиновника особых поручений при графе Воронцове), г. Шварца (также состоявшего при графе), Кесаря Осиповича Понятовского и, кажется, графского адъютанта Варламова».

Из приведенного отрывка видно, что с Пушкиным в Одессе общался и вновь приобретенный родственник Бутурлиных, брат Авроры Осиповны Понятовской, жены Петра Дмитриевича, Кесарь Осипович.

Есть у Антинори и портрет старшего брата Петра Дмитриевича уже в зрелом возрасте, и знакомых Александру Пушкину сестер Марии и Елизаветы Бутурлиных, изображенных в молодости, до или в первые годы после замужества.

Все портреты выполнены акварелью на бумаге. Все они, за исключением группового портрета детей, вставленного в прямоугольную раму,— одинакового размера овалы, вмонтированные в обтянутые кожей или покрытые лаком деревянные квадраты. На некоторых изображениях указано, что это копии с И. Эндера. Другие также выполнены в манере И. Эндера.

Портрет Д. П. Бутурлина кисти И. Эндера у Роберта Антинори оказался в двух экземплярах. Один из них он передал через нас в дар Государственному музею А. С. Пушкина в Москве, и он сейчас пополнил коллекцию этого музея.

А где же другие портреты кисти К. П. Брюллова, а также пейзажи Сильвестра Щедрина, которые когда-то украшали покои палатки Никколини? Роберто Антинори, потомок по прямой линии Петра Дмитриевича Бутурлина, представления не имел, где они могут находиться. Их, во всяком случае, нет у знакомых ему родственников.

— Но ведь есть еще и незнакомые,— говорил он, разводя руками,— и их большинство...

Как их найти? Как узнать, не сберег ли кто-нибудь из них вместе с картинами старинных альбомов сестер Бутурлиных, в которые, если верить М. Н. Макарову, юный Пушкин мог вписать свои первые поэтические опыты? И как пробиться к другим потомкам Бутурлиных, учитывая трудности, с которыми мы столкнулись, когда захотели встретиться с Роберто Антинори?

На деле оказалось, что основные сложности, после того как мы установили контакт с маркизом Роберто Антинори, были позади: ухватившись за первое звено, нам сравнительно легко удалось вытащить если не всю цепь, то ее очень важные другие звенья. Помогли рекомендации Роберто Антинори, а также первый очерк о Бутурлиных, который мы перевели на итальянский язык. Он сослужил нам роль своеобразной визитной карточки и открыл двери в дома потомков Бутурлиных, принадлежащих к той весьма обособленной и замкнутой социальной категории, какой является итальянская аристократия. При этом флорентийские нобили, как нам разъяснил Антинори и как мы сами убедились на опыте первоначального общения с ним самим, среди всей итальянской родовой знати — самая непроницаемая каста...

И тем не менее наши опасения оказались во многом преувеличенными. Никто из потомков Бутурлиных, познакомившись с нашим очерком, не отказался от встречи с нами. Почти для всех них сообщаемые в очерке сведения были полным откровением и нередко источником фамильной гордости. Поэтому нас охотно знакомили с сохранившимися бутурлинскими реликвиями, среди которых попадались совершенно новые для нас вещи, имеющие подчас исключительную историко-художественную ценность.

При этом выяснилось, что потомки Бутурлиных породнились чуть ли не со всей итальянской знатью и носят теперь фамилии и маркизов Киджи, в огромном римском палаццо которых сейчас располагается совет министров Италии, и графского рода Конестабиле, известного у нас по «Мадонне Конестабиле» кисти Рафаэля, находящейся сейчас в Ленинградском Эрмитаже, а прежде принадлежавшей семье Конестабиле, и знаменитого венецианского рода Мочениго, из которого происходят целых семь прославленных дождей Светлейшей республики. Потомками Дмитрия Петровича оказались и люди, которых мы знали до этого, не подозревая об их русском происхождении, в частности директор Этрусского музея Ватикана профессор Ронкалли, племянник «красного папы» Иоанна XXIII, возглавлявшего святой престол с 1958 по 1963 год. Мы разыскивали потомков Бутурлиных во Флоренции, но многие из них, как оказалось, обитают и в Риме, причем один — на соседней улице в квартале Салариа-Номентано, где жили и мы, не предполагая, что в доме, мимо которого приходилось проходить сотни раз, хранится разыскиваемый нами иконографический материал (в частности, портрет пожилой Анны Артемьевны), а также каталоги бутурлинских библиотек.

Нашлась и сама библиотека, вернее, та часть собранных Дмитрием Петровичем в Италии книг, которая не была распродана на парижском аукционе, устроенном после смерти библиофила его наследниками, — несколько тысяч томов, украшенных бутурлинским экслибрисом. Среди них есть ценнейшие издания французских просветителей и другие редкости, преимущественно на французском и итальянском языках. Есть там и книги на русском языке, но они выписывались из России уже тре-

тым и четвертым поколениями Бутурлиных и носят на обложках даты сравнительно недавние.

Но сначала о новом иконографическом материале. Первые находки мы сделали в римском доме потомков Бутурлиных по линии Мочениго, с которыми породнилась внучка Дмитрия Петровича, единственная дочь младшей из сестер Бутурлиных, Елены Дмитриевны, вышедшей замуж за князя Видони из Кремоны. Мы побывали в этом древнем городке Паданской равнины, славящемся своим историческим прошлым и замечательными архитектурными памятниками. Кремона — родина Антонио Страдивари и Антонио Гварнери, великих скрипичных мастеров..

Центр Кремоны составляет группа возведенных в эпоху средневековья зданий, образующих Пьяцца дель Комуне — одну из самых красивых средневековых площадей Италии. Одетые в мрамор и украшенные статуями здания — собор, баптистерий, коммунальный дворец и Лоджия деи милити, — обступившие площадь, воссоздают атмосферу седой старины, в которую уходит история города. Над площадью взметнулась ввысь гигантская 110-метровая колокольня, сложенная из кирпичей искусными кремонскими каменщиками еще в XIII веке. Откуда бы вы ни подъезжали к Кремоне, за много десятков километров вы видите это грандиозное сооружение, возвышающееся над всей окружающей местностью, — великолепный памятник кремонским камнерезам и зодчим.

Памятником архитектуры значится в Кремоне и палаццо Видони, в котором прожила долгую жизнь Елена Дмитриевна, урожденная Бутурлина. Но лет за десять до нашего приезда в Кремону и дворец этот, и фамильный замок Видони, находящийся за несколько километров от города, были проданы вместе с мебелью, утварью, картинами и скульптурами. Новые хозяева палаццо и замка, в свою очередь, через некоторое время перепродали их государству (сейчас в палаццо Видони располагается банк), «реализовав» предварительно через антикварные магазины все находившиеся внутри них предметы старины. Антиквары Кремоны и других окрестных городов в течение нескольких лет сбывали украшения интерьеров Видони, среди которых были, наверное, и работы русских мастеров. Дело в том, что младшая дочь Бутурлиных вышла замуж, когда их состояние было уже порядком расстроено. И поэтому в приданое она получила в отличие от сестер не деньги, а только дворец Никколини во Флоренции, тоже, как видно, со всем его содержимым. Правда, через год старший сын Бутурлиных Петр Дмитриевич выкупил у супругов Видони дворец, но какова при этом была судьба украшавших его произведений живописи русской школы, мы не знаем. Многие из них — это можно сказать с уверенностью — остались в Кремоне и их уже в наши дни постигла участь палаццо и замка Видони.

Профессор Римского университета Саранцо-Мочениго, правнук Елены Дмитриевны, с горечью рассказавший нам подробности этой истории, не в пример своим дальним родственникам из Кремоны бережно сохранил все реликвии, связанные с его русскими предками. В римс-

ком особняке профессора, который больше похож на музей, чем на жилой дом, по обилию украшающих его картин и скульптур, мы нашли оригинал портрета Анны Артемьевны работы И.Эндера (профессор ошибочно считал его изображением своей прабабушки по австрийской линии), знакомого нам по флорентийской копии, а также несколько миниатюр на слоновой кости с изображениями Елены Дмитриевны.

Наше внимание привлек старинный альбом, принадлежавший старшей дочери Бутурлиных Марии Дмитриевне, бывшей замужем за тосканским графом Дини. По свидетельству Михаила Дмитриевича, его старшая сестра была незаурядной личностью, отличалась склонностью к наукам, прекрасно рисовала. Она, видимо, является автором большинства собранных в альбоме рисунков, либо вклеенных в него, либо выполненных на сшитых в нем листах.

По времени альбом относится уже к итальянскому периоду жизни его владелицы. Среди рисунков мы нашли подписанный пейзаж известного немецкого художника Франца Кателя, помеченный 1830 годом, а на соседнем листке — жанровую сценку, выполненную сепией. По семейному преданию, эта работа принадлежит кисти Карла Брюллова. Художник, как известно, охотно прибегал к сепии, в которой им сделано немало других набросков и эскизов. Незамысловатая по сюжету зарисовка итальянской сельской жизни была предназначена для альбома и не претендует на глубину. Но и в подобных экспромтах Брюллов умел проявить свое композиционное мастерство, совершенное владение рисунком, сюжетную изобретательность, чувство мягкого юмора, придающего жанровому произведению жизненную достоверность. Все эти отличительные черты брюлловского творческого почерка присутствуют на рисунке, давая основания думать, что в этом бутурлинском альбоме действительно сохранилась неизвестная работа создателя «Последнего дня Помпеи».

В доме Аймона Сейсельдекса, генерального директора одной из крупнейших компаний по производству электронного оборудования, живущего в Риме около Кампо деи Фьори, где в 1600 году был сожжен Джордано Бруно, мы смогли увидеть только шесть раскрашенных литографий с видами Петербурга, привезенных Бутурлиными из России, но получили массу полезных сведений о путях наших дальнейших поисков. Хозяин дома, атлетического сложения мужчина, придерживался весьма современных взглядов и о своем аристократическом происхождении говорил с нескрываемой иронией:

— *E roba d'altri secoli* — атрибуты прошлого века, музейная древность.

Это, впрочем, не мешало ему с гордостью рассказывать, что его предки маркизы Сейсельдексы ди Соммарива в свое время смотрели свысока даже на представителей савойской династии, правившей в их родном Пьемонте, говоря, что, когда они, Сейсельдексы, уже строили замки и чеканили монету, основатели савойского дома еще пасли овец.

Инженер с полным уважением относится и к своему русскому происхождению, глубоко интересуется русской историей и культурой, что подтверждали книжные полки его кабинета, уставленные книгами наших отечественных авторов. Среди русских предков инженера были не только Бутурлины, но и Голицыны. Линия Бутурлиных идет от Елизаветы Дмитриевны, средней дочери библиофила, выданной замуж за пьемонтского аристократа Клаудио Сейсельдекса ди Соммарива. Портрет Клаудио Сейсельдекса, отличившегося в борьбе за свободу и единство Италии, кстати, ныне украшает галерею героев патриотического движения в римском музее Рисорджименто.

Один из сыновей Елизаветы Дмитриевны — Артем — был женат на Джулии Ольдофреды Тазини, внучке маркизы Терци, урожденной Голицыной Елизаветы Михайловны, с потомками которой мы познакомились в Бергамо. Благодаря этому браку в доме Сейсельдексов соединились реликвии по истории русской культуры, принадлежавшие и Бутурлиным, и Голицыным. Часть их позднее разыскала в родовом замке Сейсельдексов жена Аймона синьора Алессандра, милая и симпатичная женщина, ведущая свое происхождение, между прочим, от знаменитого героя войны за независимость Соединенных Штатов, а затем видного деятеля Великой французской революции генерала Лафайета. Она с большим участием отнеслась к нашим разысканиям реликвий русской культуры и документов, относящихся к пушкинскому окружению. Среди вновь обнаруженных вещей были акварельные портреты А. А. Бутурлиной и ее дочери Елизаветы кисти неизвестных художников, а также две превосходные акварели с видами римской равнины и Рима. Акварель с видом римской равнины подписана. Ее автор — Александр Брюллов. Вторая акварель с видом Рима сделана в той же самой стилистической манере, что и первая, и ее автором тоже, видимо, является старший брат, К. П. Брюллов.

Новые сюрпризы ждали нас в Милане, когда мы навестили брата Аймона Сейсельдекса — Витторио.

Радужный хозяин, с которым мы договорились по телефону о визите, отнесся к предстоящей встрече очень серьезно и к установленному часу пригласил в свой дом всех известных ему в Милане потомков Бутурлиных и Голицыных. За чашкой чая они поведали нам свои семейные предания о русской родне. Затем показали многочисленные работы Джузеппе Терци, мужа Елизаветы Михайловны, урожденной Голицыной, — десятки портретов карандашом и акварелью с неизвестных лиц; как русских, так и итальянцев, судя по внешности изображенных.

Один портрет выделялся мастерством исполнения среди всех остальных: акварельное изображение Елизаветы Дмитриевны Бутурлиной, написанной на фоне флорентийских окрестностей. На портрете ей, красивой, статной девушке, 18—20 лет.

Мы заметили хозяевам, что автором этой акварели не мог быть Джузеппе Терци, который умер в 1819 году, когда дочери Бутурлиных было всего пятнадцать лет.

Автором изображения и в самом деле был не Джузеппе Терци, а, вероятнее всего, Карл Брюллов. Действительно, судя по возрасту модели, портрет был написан в середине 20-х годов, когда, как уже говорилось, над изображениями семьи Бутурлиных в 1824 году работал Карл Брюллов. Совпадают, однако, не только возраст модели, но и манера, трактовка образа автором этого портрета и акварели с Михаила Бутурлина, которую мы видели в доме Роберто Антинори во Флоренции. Тот же горделивый взгляд, то же чувство собственного достоинства, та же легкая усмешка в уголках рта. Одинакова постановка фигур в три четверти оборота. И та и другая акварель очень живописны, написаны яркими, сочными, темпераментными красками, которыми так владел Карл Брюллов.

Портрет Елизаветы Дмитриевны, по-видимому, вторая работа великого русского художника, сохранившаяся у наследников Бутурлиных.

При дальнейших встречах с потомками Бутурлиных самыми неожиданными оказались находки, сделанные нами в доме троюродной сестры маркиза Роберто Антинори, ведущей свое происхождение от Петра Дмитриевича, старшего сына библиофила.

В отличие от других потомков Дмитрия Петровича в этой семье продолжают говорить по-русски и даже вопреки католическому прошлому своих предков, начиная с Петра Дмитриевича и его жены Авроры Осиповны, придерживаются православной веры. Именно в этом доме хранятся остатки итальянской библиотеки Дмитрия Петровича, а также каталоги и московского, и итальянского книжных собраний Бутурлина. Сохранились здесь и декабристские реликвии, в частности литография с известного портрета Александры Муравьевой кисти П.Ф. Соколова, другие изображения декабристов и их жен, которые хозяева дома свято берегут до сих пор.

Здесь же мы обнаружили неизвестную работу Ореста Кипренского — карандашный портрет Петра Дмитриевича Бутурлина.

О том, что Кипренский в период его пребывания в Италии (в 1816—1822 и 1828—1836 годах) общался с Бутурлиными, давно известно из мемуаров Михаила Дмитриевича, который писал, что «нередко в течение всего этого года (1820-го. — И.Б. и Ю.Г.) бывал у нас профессор Петербургской Академии художеств Кипренский».

Однако М. Д. Бутурлин, писавший мемуары на склоне лет, не помнил, конечно, что Кипренский бывал в их семье и ранее, ибо знал Бутурлиных, судя по всему, еще по Москве, где художник жил в 1809—1811 годах. Направляясь из Петербурга в Рим, Кипренский впервые побывал во Флоренции еще в октябре 1816 года, чтобы передать поверенному в делах России при Тосканском дворе Н.Ф. Хитрово рекомендательные письма императрицы Елизаветы Алексеевны, пенсионером которой он был. Обосновавшись в Риме, Кипренский, как сообщают нам его первые биографы, тотчас вернулся во Флоренцию и находился там, кажется, довольно продолжительное время, пользуясь благосклонностью русского посланника и в особенности его жены Ели-

заветы Михайловны, любимой дочери М. И. Голенищева-Кутузова. Весьма характерно во всяком случае, что именно во Флоренции, а не в Риме, где было постоянное местопребывание Кипренского, он получил общественное признание, был избран членом Флорентийской Академии художеств и удостоен высокой чести — предложения написать свой автопортрет для знаменитой галереи автопортретов художников, которую украшают изображения Рафаэля, Тициана, Рембрандта, Рубенса, Давида, Энгра, Делакруа, Коро и многих других корифеев мирового искусства.

Осенью 1817 года во Флоренции с многочисленными чадами и домочадцами появились и Бутурлины, которые при своем внимании к отечественному искусству никак не могли обойти «любимого живописца русской публики», как к тому времени величала Кипренского русская художественная критика.

В Русском музее в Ленинграде хранится письмо Кипренского, написанное в феврале 1822 года из Флоренции русскому скульптору Самуилу Гальбергу, который в это время жил в Риме. Письмо это до сего времени малоизвестно, а в нем есть весьма любопытные сведения, в частности касающиеся нашей темы. Вот начало этого документа, написанного, повторяем, во Флоренции, где Кипренский сделал по дороге из Рима в Париж продолжительную остановку по причине болезни:

«Милостивый государь мой Самуил Иванович,

Податель сего разужороченного письма есть некто голландец из Амстердама*, метящий, как равно и наш Басин**, в исторические живописцы, что весьма похвально. Нет ли у Масучия*** ателье для него? В противном случае посоветуйте ему потолкаться, поискать у Quattro Fontane****, там, кажется, весьма порядочное место для трудолюбивого че-

* Кипренский, отличавшийся необычайной широтой души и добросердечностью, вечно был занят стремлением помочь своим советом и связями молодым талантам, откуда бы они ни происходили, из России или других стран, что у людей черствых вызывало раздражение и обвинения по адресу художника в «странностях», «чуждачествах» и т. п.

** Басин П. В., 1793—1877, — русский исторический живописец и портретист, в 1819—1830 годах — заграничный пенсионер Петербургской Академии художеств.

*** Джованни Мазуччи — римский домовладелец, у которого снимали квартиры по виа Сан-Изидоро многие русские живописцы, скульпторы и архитекторы, приезжавшие в Италию на практику в качестве пенсионеров Петербургской Академии художеств и Общества поощрения художников. В 1837 году у него жил и Н. В. Гоголь.

**** Улица и перекресток Quattro fontane — Четырех фонтанов, находящихся в старом центре Рима, близ площади Барберини, на пересечении нынешних улиц Квиринале и Куаттро фонтане.

ловека. Там же, думаю, подешевле и даже большие суть пусты; а при том и граф Бутурлин поселяется равно к Quattro фонтанам в доме прже Albani* со всею своею фамилиею и своим народом.

Пожалуйста, ежели можно и время вам позволяет, подумайте сладить студию Голланду. А к Бутурлину и прочим русским вояжерам ради Бога не делайте визитов гуртом, вить вы не дюжинные. Это я вам говорю по дружбе, скажите сие и другим нашим любезным москвитам и прошу весьма от меня кланяться.

Из этого письма Кипренского видно, что и в 1822 году, будучи во Флоренции, он вновь встречался с Бутурлиными и знал об их намерении совершить продолжительный вояж в Рим. Исходя из самых добрых побуждений, Кипренский при этом остерегал своих русских собратьев по «изящным искусствам» от тактических промахов и советовал им не документировать рафинированному меценату коллективными визитами пенсионеров, дабы не потерять своего лица...

Однако сведений о том, что сам Кипренский выполнял заказы Д. П. Бутурлина, до сего времени не встречалось, и потому открытие его работы в собрании потомков библиофила было для нас полной неожиданностью. Рисунок с изображением Петра Дмитриевича не подписан, но о том, что его автором является Кипренский, говорит и типичная для художника манера датирования своих рисунков (под портретом написано латинскими буквами: «Natalie 1818», то есть «Рождество 1818 года»), и характер штрихов, и даже тип бумаги, которой он часто пользовался — плотной, серо-коричневой по цвету, а главное — неповторимый рисовальный почерк мастера. Наконец, авторство Кипренского подтверждает и дата: в 1817—1818 годах П. Д. Бутурлин, бывавший в Италии наездами, жил во Флоренции, где, видимо, и позировал художнику. Согласно копии послужного списка П. Д. Бутурлина, он возвратился из «чужих краев» 24 октября 1818 года и, следовательно, православное рождество, которое приходилось на 6 января по новому стилю, встречал со своей семьей во Флоренции.

Портрет П. Д. Бутурлина продолжает серию героев 1812 года, ибо Петр Дмитриевич 18-летним юношей участвовал в антинаполеоновской эпопее, дошел до Парижа, штурмовал французскую столицу, за что был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Впоследствии он состоял адъютантом у графа М. С. Воронцова, был дипломатом, секретарем русской миссии в Риме в 1822—1825 годах.

Стилистически рисунок примыкает к таким работам Кипренского, как сделанные по его приезду в Италию портреты аббатов Сартори и Скарпеллини, когда, по мнению исследователей, графическая манера художника начала претерпевать изменения, усложняться, отходить от интимности в трактовке характера изображаемого человека.

* Principe Albani — князя Албани. (Итал.)

Но в портрете П. Д. Бутурлина едва только намечаются эти тенденции, получившие развитие в творчестве мастера позднее. По непринужденности, простоте и свободе исполнения он примыкает к лучшим образцам графического мастерства художника. С полным блеском проявилось здесь умение Кипренского проникнуть во внутренний мир человека, раскрыть его характер.

П. Д. Бутурлин обладал добрым и ровным нравом, был любимцем семьи и товарищей, душой общества. Но он не был глубоким человеком, его не волновали общественные проблемы, и он остался в стороне от своих однополчан, которые вернулись из европейских походов с новыми идеями и вскоре стали создавать в стране тайные общества.

Таким и изобразил Кипренский этого симпатичного, но ordinarilyного человека, в чертах которого, помимо поверхностного обаяния, ясно проступает печать заурядности, что, собственно, подтвердилось впоследствии всей жизнью П. Д. Бутурлина.

Он служил недолго, скоро оставил дипломатическую карьеру и целиком посвятил себя семье, полностью, видимо, подпав под влияние своей властной и энергичной супруги Авроры Осиповны. Эта фанатичная католичка под конец жизни и мужа превратила в ревностного слугителя римской церкви; вместе они, не дрогнув сердцем, уехали в монастырь двух своих юных дочерей...

Показанный нам хозяевами небольшой портрет маслом Д. П. Бутурлина был явно любительской работой и не мог претендовать на авторство Карла Брюллова, писавшего изображение библиофила. Когда-то дом украшал и большой портрет маслом старого Бутурлина, но его вместе с коллекцией других картин украли за несколько лет до нашего визита. Вполне возможно, что похищенный холст принадлежал Брюллову, поскольку Дмитрий Петрович изображен был на нем в пожилом возрасте, во флорентийский период жизни. Среди украденных картин находились и пейзажи, в том числе, вероятно, и русской кисти...

Из акварельных изображений членов семьи Бутурлиных здесь сохранился прекрасный портрет Авроры Осиповны, жены Петра Дмитриевича, — очень хорошо передающий характер этой женщины, державшей мужа под каблуком. Портрет не подписан, в семье неизвестно, кто его автор.

По стилистическим особенностям эта акварель очень напоминает зрелые работы П. Ф. Соколова. Будучи в Париже (см. главу «Соррентийская загадка»), П. Ф. Соколов писал там портреты своих соотечественников. Среди наиболее удачных парижских работ отца сын П. Ф. Соколова называл портрет «графини Б.». «Графиня Б.» скорее всего и есть Аврора Осиповна Бутурлина, нередко бывавшая с семьей во французской столице. П. Ф. Соколов при выполнении нескольких экземпляров одной и той же портретной работы подписывал только оригинал, а повторения оставлял без подписи. Последним, видимо, и надо считать неподписанное акварельное изображение жены старшего сына библиофила.

Очень интересен был показанный нам большой альбом рисунков, о существовании которого мы знали из мемуаров Михаила Дмитриевича Бутурлина. Автором многочисленных, большей частью акварельных работ, собранных в альбоме, был талантливый крепостной художник Иван Петрович Бешенцев, писавший также стихи и отличавшийся незаурядными артистическими данными. Жил он в калужском имении Бутурлиных Белкино, где и были выполнены его дружеские шаржи на членов бутурлинского семейства, их родственников и знакомых. Художник умел схватить и передать характерные черты внешности своих моделей, разумеется, без утрирования физических недостатков. Его карикатуры могли вызвать у самих моделей не обиду, а лишь добродушные улыбки, за что, видимо, и ценили альбом в семье библиофила. Первое время альбом оставался в Белкино, но потом Бутурлины вытребовали его к себе во Флоренцию. Альбом переходил из поколения в поколение потомков Бутурлиных, он в прекрасном состоянии...

Говоря о жизни в Белкино, М. Д. Бутурлин писал в своих воспоминаниях: «Из первых учителей рисования, которых помню, был Александр Тимофеевич Виноградов, воспитанник Академии художеств, что однако же не мешало ему быть настолько плоховатым в своем искусстве, что даровитый наш буфетчик Иван Бешенцев, остряк и самоучка, поэт и рисовальщик, написал акварельную карикатуру этого художника, сидящего с палитрою в руке перед мольбертом, на котором была начатая им картина осла. Этот Бешенцев был ярый поклонник Озерова и его исполнителя на сцене Яковлева и декламировал наизусть целые тирады из «Эдипа в Афинах» и «Дмитрия Донского». Его же акварельной кисти была толстая книга карикатур всех нас семейных, в свойственных нам позах, костюмах и занятиях, а также всей нашей родни и вообще всех знакомых, перебивавших у нас в доме, с самого начала века до 1816 года. Сходства были поразительны, и мать наша так дорожила этим семейным архивом, что выписала его во Флоренцию».

Особую ценность представляют три рисунка, на которых изображены, как свидетельствуют пометы на листах альбома, родители А. С. Пушкина и его дядя Василий Львович. Все три эти работы никогда не публиковались в печати, и об их существовании до сего времени никому не было известно.

Иван Бешенцев, как сообщает М. Д. Бутурлин, все рисунки альбома сделал в Белкино. Родители и дядя А. С. Пушкина, следовательно, могли позировать ему тоже только там, что подтверждает тесное общение и дружбу Бутурлиных и Пушкиных, бывавших в гостях у библиофила не только в его московском доме, но и в находящемся за сто верст от старой русской столицы Белкино. Портреты Пушкиных, как и большинство других рисунков, скорее всего относятся к периоду 1813—1817 годов, потому что на предыдущих листах альбома есть карикатуры на французских солдат, которых художник не мог видеть раньше 1812 года. Александр Пушкин в это время учился в Лицее и не мог вместе со

своими родителями гостить у Бутурлиных в Белкино. Иван Бешенцев, по-видимому, не имел возможности портретировать юного поэта одновременно с родителями и дядей, но его изображения, наверное, были в семье Бутурлиных, однако их еще предстоит разыскать в неизвестных нам собраниях потомков библиофила...

Дом Бутурлиных в Белкино, несмотря на состоятельность его владельцев, был обставлен очень просто, без особых затей, если не считать гравированных видов Италии, которыми украсил стены еще его строитель — дед Анны Артемьевны по отцу Иван Ларионович Воронцов. Но, пишет М. Д. Бутурлин, «в этой неказистой гостиной, на этой жесткой мебели собирался кружок утонченно-образованных людей разных национальностей и светского положения. В этом ареопаге, строго хранившем все прежние традиции, разбиралась по ниточке современная политика, литература и не исключались научные вопросы. Члены его... были люди много читавшие, и потому их беседы не отзывались пустословием салонной обыкновенной болтовни».

Не исключено, что в Белкино, где до сего времени сохранились полуразрушенные стены и дома, и церкви Бутурлиных, до поступления в Лицей бывал и маленький Пушкин вместе с родителями и дядей, которых с полным правом можно отнести к кругу самых «утонченно-образованных» русских людей того времени, составлявших бутурлинский ареопаг.

Бешенцев изобразил мать поэта за уроком рисования, который ей, по-видимому, дает упоминаемый Михаилом Дмитриевичем домашний учитель Бутурлиных Александр Тимофеевич Виноградов — высокий грузный старик в очках. Он стоит за спиной «ученицы», сидящей за столом и переносящей на бумагу рисунок с листа, который прикреплен к вертикальной подставке. Опираясь правой рукой о стул, на котором сидит Надежда Осиповна, учитель левой рукой указывает на копируемый рисунок, давая пояснения. «Ученица» внимательно слушает его. Бешенцев явно шаржировал фигуру забавного старика — учителя рисования, но в облике его подопечной, строгой дамы средних лет, одетой в элегантно белое платье с короткими рукавами, с высокой прической, перехваченной синим ободком, ничего собственно карикатурного нет, если не считать позы прилежной ученицы, так, видимо, не ввязавшейся с властным характером этой женщины, которой муж целиком передоверял право распоряжаться хозяйством, домом и воспитанием детей. Внешность Надежды Осиповны Бешенцев передал очень верно, без утрировки: она здесь выглядит старше, чем на известном своем портрете работы Ксавье де Местра, который датируется 1800 годом. С того времени минуло десять или больше лет, Надежде Осиповне было уже, по-видимому, за сорок, но она еще сохраняла очарование «прекрасной наружности креолки». Перед нами неизвестное изображение матери поэта. Ольга Сергеевна, сестра Пушкина, вспоминала, что мать, в отличие от вспыльчивого и резкого отца, «напротив, при всей живости характе-

ра, умела владеть собою и только не могла скрывать предпочтения, которое оказывала сперва к дочери, а потом к меньшему сыну Льву Сергеевичу; всегда веселая и беззаботная... — она любила свет».

Светскую жизнь до чрезвычайности любил и отец, о котором Ольга Сергеевна говорила, что он «был нрава пылкого и до крайности раздражительного, так что при малейшем неудовольствии, возбужденном жалобой гувернера или гувернантки, он выходил из себя, отчего дети больше боялись его, чем любили... Сергей Львович, — продолжает дочь, — был также создан для общества, которое умел он оживлять неистощимую любезностью и тонкими остротами, изливавшимися потоком французских каламбуров. Многие из этих каламбуров передавались в обществе как образчики необыкновенного остроумия».

Как-то на званом обеде, рассказывает Ольга Сергеевна, в Варшаве одна польская дама, желая уязвить Сергея Львовича, осведомилась у него, правда ли, что русские едят медведей, на что он не моргнув глазом ответил, что это неправда. Русские, сказал он, едят коров, как вы. В другой раз, когда у него спросили, в чем он находит сходство между самим собой и солнцем, Сергей Львович не мешкая заявил:

— В том, что нельзя без гримасы разглядывать нас обоих.

Бешенцев на своем рисунке, как кажется, изобразил Сергея Львовича как раз в тот самый момент, когда он, откинув слегка голову назад, с сардонической миной на лице готовится отпустить очередной каламбур. Это невысокий седовласый мужчина (в середине 1810-х годов Сергею Львовичу было под пятьдесят), одетый в сюртук и светлые панталоны. На ногах — высокие сапоги. Фигура Сергея Львовича с несоразмерно большой головой и легким брюшком довольно нескладная. Одежда сидит мешковато.

Зато отчаянным франтом, каким он и был в жизни, Бешенцев представил дядю поэта Василия Львовича. С завитыми черными кудрями, замысловато завязанным галстуком, в розовых панталонах в обтяжку и шелковых чулках, на рисунке он галантно расшаркивается, держа в левой руке щегольскую черную шляпу. Это, пожалуй, самый удачный рисунок Бешенцева, ибо Василий Львович с его восторженным характером, щегольством, театральными манерами представлял собой как нельзя более благодарную фигуру для дружеского шаржа.

Дядя поэта вообще был мишенью бесконечных иронических выходок со стороны своих друзей, которые без конца испытывали незлобивый нрав и неистощимое добродушие этого взрослого ребенка, подтрунивая над его слабостями.

П. А. Вяземский так рисует портрет Василия Львовича, только что вернувшегося из заграничного вояжа: «Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголочки с головы до ног... В простодушном самодовольстве давал он дамам обнюхивать свою голову». К. Н. Батюшков также оставил нам колоритное описание «того Пушкина, который теперь с кудрявой головой, в английском фракче, с парой мадригалов

в штанах и с большим экспромтом, заготовленным накануне за завтраком, экспромтом, выписанным из какого-нибудь *almanach des Muses**, является в обществе часу около девятого, пьет чай, картавит по-французски, бранит славянофилов, хвалит Лагарпов псалтырь и свою бледную красавицу». И.И. Дмитриев, когда Василий Львович Пушкин собирался в заграничное путешествие, сочинил шутовское стихотворение, в котором заранее предсказал его восторги от встреч с чужеземными нравами и знаменитостями:

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать:
Я был в Лицее, в Пантеоне,
У Бонапарта на поклоне;
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастьем моему.

.
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фрак! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля..
И всё Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум!

Василий Львович нисколько не обиделся на И.И. Дмитриева за сочинение, в котором так мастерски был очерчен его образ, и с удовольствием читал его своим знакомым, включая и вот эти строки:

Я сам готов, когда хотите,
Признаться в слабостях моих;
Я, например, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их;
Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять.
Но словом, мыслью, даже взглядом
Хочу ль кого я оскорблять?

* альманах муз. (Франц.)

Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..

Дядя — щеголь и эрудит — наваял А. С. Пушкину образ графа Нули-на в одноименном произведении:

Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour,*
С ужасной книжкою Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bons-mots** парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera***.

А. С. Пушкин придерживался в отношении к дяде добродушно-иронического тона, установившегося между приятелями последнего, что не мешало им питать к пожилому поэту чувства уважения и искренней симпатии. Племянник также признавался, когда отрешался от иронического тона, что с «музами сосватал» его дядя, которого он называл своим «парнасским отцом». Напомним, что первый, кого А. С. Пушкин посетил после возвращения из ссылки в Москву 8 сентября 1826 года и беседы с царем, был Василий Львович. А. С. Пушкин в 1830 году приезжал проститься с умирающим дядей, взял на себя расходы по похоронам, нес гроб с телом Василия Львовича. Так он отдал дань признательности человеку, который славился глубокой, непритворной любовью к литературе, блестящей образованностью (Василий Львович, кроме неперменного в то время французского, знал немецкий, английский, итальянский языки, а также изучал латынь), неутолимой любознательностью, был остроумным собеседником, страстным театралом, эрудированным библиофилом и главное — известным стихотворцем, направившим первые шаги Александра на поэтическом поприще.

Принято считать, что в детстве поэт был обделен родительской лаской. Пушкины, как и большая часть русских бар того времени, воспитание детей и в самом деле передоверяли гувернанткам и гувернерам, а сами предавались удовольствиям светской жизни. Но при всем при том именно родителям и дяде Василию Львовичу будущий поэт был

* прозрачных (ажурных). (Франц.)

** остротами. (Франц.)

*** И так далее, и так далее. (Латинск.).

обязан тем, что с самого дня рождения его окружала высокоинтеллектуальная атмосфера, в которой зародился и развивался его поэтический дар. Все Пушкины и их друзья были люди мыслящие, причастные к литературе и искусству — писали стихи, рисовали, декламировали, участвовали в любительских спектаклях. Говоря об отце, Ольга Сергеевна, в частности, вспоминала: «Ни один театр аматерский не мог обойтись без него и брата его, Василия Львовича: оба они играли в совершенстве».

Известно, что Сергей Львович, как и брат, сочинял стихи. Ольга Сергеевна сообщает, что «он оставил в дамских альбомах множество прекрасных стихов, под которыми могли бы подписаться и лучшие представители блистательной эпохи французской литературы». Писал Сергей Львович и по-русски. Когда не стало его любимого пса Руслана (названного так в честь героя знаменитой поэмы сына), Сергей Львович посвятил ему такие строки:

Лежит здесь мой Руслан, мой друг, мой верный пес!
Был честности для всех разительным примером,
Жил только для меня, со смертью же унес
Все чувства добрые: он не был лицемером,
Ни вором, пьяницей, развратным тож гулякой:
И что ж мудреного? Был только он собакой!

Мы знаем, что с отцом у Пушкина были неровные отношения, случались и тяжелые ссоры, но в полном безразличии к сыну Сергея Львовича, пожалуй, нельзя обвинять, если вспомнить, что в годы учения сына в Лицее родители, чтобы быть к нему ближе, в 1814 году переселились в Петербург, часто навещали его. В последние годы жизни поэт сблизился с родителями. Он трогательно заботился о больной матери, а после ее кончины жалел, что так «недолго пользовался нежностью материнской». Отец, переживший поэта, гордился поэтическими успехами сына, а когда ему сообщили страшную весть о его смерти, он, по словам очевидцев, «как безумный, долго не хотел верить».

П. В. Анненков подчеркивал огромную роль утонченной культуры членов семьи Пушкиных, их родственников и друзей для рождения и развития поэтического дара в Александре: «Связи Сергея Львовича были довольно обширны. Через Пушкиных он был в родстве со всею этою фамилиею, а через Ганнибаловых с Ржевскими и их свойственниками — Бутурлиными, Черкасскими и проч. Он даже жил об дом с графом Дмитрием Петровичем Бутурлиным, и гости последнего были его гостями. В числе посетителей его были Карамзин, Батюшков, Дмитриев, и молодой Пушкин, который всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову, выражающему характер человека и западающему часто в юный ум невольно и неизгладимо».

И мы должны быть бесконечно благодарны талантливому крепостному художнику-самоучке, который в своих непритязательных произве-

дениях сумел не только донести до нас живой облик близких А. С. Пушкина, с детских лет приобщивших его к кругу замечательных представителей отечественной культуры, но и воскресить в мягкой юмористической форме атмосферу встреч в домах родителей будущего поэта и их друзей.

Здесь же у потомков библиофила хранится и богатое эпистолярное наследие Бутурлиных, в частности переписка Петра Дмитриевича с женой, но она нас разочаровала, поскольку имеет чисто личный характер и почти ничего не говорит ни о русском, ни об итальянском их окружении. Гораздо интереснее оказалась рукописная биография Авроры Осиповны, сочиненная на французском языке, видимо, ее дочерью Анной — монашенкой. Это объемистый труд, занимающий около пятисот страниц, исписанных убористым почерком. Аврора Осиповна была фанатичной католичкой, и это ее стараниями, как выясняется, все Бутурлины, за исключением главы семьи и младшего сына Михаила, были обращены в католичество. Биография задумана как панегирик неистовой приверженности Авроры Осиповны римской церкви, но она содержит также сведения о самих Бутурлиных, сведения, которые дополняют и уточняют то, что известно о них из мемуаров Михаила Дмитриевича Бутурлина, который после 1824 года был в Италии только наездами и о многом из жизни своих родных не знал. Благодаря этой рукописи стало возможным уточнить место захоронения Анны Артемьевны и ее сына Петра. Они покоятся в римском католическом храме дель Джезу, где была семейная капелла Бутурлиных. Храм дель Джезу — церковь иезуитского ордена, при котором были монашенками две дочери Авроры Осиповны и Петра Дмитриевича — Анна и Марианна. На полу этой знаменитой своей архитектурой церкви, построенной в 1568 году у подножия Капитолийского холма зодчим Виньолой, сохранилась надпись с обозначением фамилии П. Д. Бутурлина.

Из биографии Авроры Осиповны выясняется, однако, что ее неумеренный католицизм не был только проявлением мистических начал в характере, но и носил определенную политическую окраску. В нем находил своеобразное выражение протест против политики русского царизма, преследовавшего всякое отклонение от устоев официальной идеологии — православия, самодержавия и народности — и не без основания усматривавшего в обращении к католицизму русских дворян акт молчаливой оппозиции. О патриотических убеждениях Понятовских говорит ясно тот факт, что дядя Авроры Осиповны Ян Игнатьевич был активным участником польского восстания 1831 года, за что он поплатился многолетней ссылкой в Сибирь.

Что же касается поветрия мистицизма, то оно захватило многих русских людей после поражения восстания декабристов. Известны религиозные увлечения некоторых декабристов в период ссылки, отражавшие их глубоко пессимистический взгляд на будущее России. Такие же настроения были характерны и для части известных в прошлом передо-

вым образом мыслей русских дворян, осевших после 1825 года в Западной Европе, к которым относились и Бутурлины, а также З. А. Волконская: последние годы ее жизни в Риме отмечены болезненной религиозностью. Наконец, напомним о знаменитых письмах Чаадаева, в которых содержалось обращение к католицизму, тоже продиктованное глубоким отчаянием автора.

Наиболее важной находкой здесь была рукопись самого Дмитрия Петровича. Речь идет о его работе «О греках, о турках и о европейском общественном сознании»*, написанной на французском языке в июле 1821 года в связи с греческим восстанием против турецкого гнета. Михаил Дмитриевич в своих мемуарах пишет, что работа отца была опубликована лишь в 1828 году, за год до его смерти. Она, по словам Михаила Дмитриевича, была издана в немногих экземплярах в Париже неким Ренуаром, но ни в советских, ни в итальянских книгохранилищах нам долго не удавалось обнаружить ни одного экземпляра печатного варианта этого труда.

Не удавалось потому, что Дмитрий Петрович издал свой труд по сути дела как произведение анонима. На титульном листе книги, выпущенной Ренуаром, после названия указано лишь: *Par M.L.C.D.B.* То есть: *Par M(onsieur) L(e) C(onte) D(mitri) B(outourlin)*, что означает: Сочинено г(осподином) г(рафом) Д(митрием) Б(утурлиным).

Напомним, что греческое восстание вспыхнуло в начале 1821 года, то есть почти совпало по времени с революцией в Испании, Неаполе и Пьемонте. Весной того же года революции в Неаполе и Пьемонте были по решению Священного союза подавлены австрийскими войсками. Дмитрий Петрович был свидетелем перехода австрийских войск через Флоренцию по пути в Неаполь. На очереди дня теперь стало подавление революционного движения в Испании, восстановление и там реакционных абсолютистских порядков. Угроза вмешательства Священного союза нависла и над судьбами греческого освободительного движения, ибо успехи повстанцев против ненавистного османского ига, с точки зрения Меттерниха, также означали покушение на выработанные Священным союзом принципы легитимизма, незыблемости установленного в Европе после поражения Наполеона социально-политического и территориального устройства. Русский император Александр I тоже враждебно относился к греческим повстанцам, хотя в целом официальная позиция царской России по этому вопросу была довольно двойственной. Отношение к греческому восстанию в Европе стало водоразделом между силами реакции и прогресса. Передовая европейская общественность с горячим сочувствием относилась к действиям греческих борцов за национальную свободу. Их восторженно приветствовали Беранже, Шелли,

* *Des grecs, des turcs et de l'esprit public européen.* Juillet 1821.

Байрон. Великий английский поэт отдал свою жизнь за дело греческой свободы.

Пушкин в это время находился в Кишиневе. Хорошо известно, с каким восхищением он отнесся к действиям генерала А.К.Ипсиланти, грека по происхождению, находившегося на русской службе, который сформировал из греков, живших на юге России, отряд и выступил на борьбу против турок, что и послужило искрой, вызвавшей пожар восстания. Рассказывая в одном из писем о своей поездке в Одессу и о царящем там возбуждении в связи с событиями в Греции, Пушкин писал: «Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего отечества. В Одессе я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах — везде собирались толпы греков, все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имущества греков в его распоряжении».

И далее — об итальянцах и греках: «Странная картина! Два великих народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно время встают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира. Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — и, мертвый или победитель, отныне он принадлежит истории...»

Пушкин в этих строках отразил горячее сочувствие передовой России делу греческой свободы. Известно, что его знакомый генерал М. Ф. Орлов, командир стоявшей в Кишиневе 16-й дивизии, связывал декабристские замыслы о русской революции со смелым планом участия своего соединения в греческом восстании, которое мыслилось как начало всеобщей освободительной войны народов против тирании. Пушкин готовился принять участие в этой войне. В его дневнике есть такие слова: «Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско». Он пишет стихи, восславляющие дело греческой свободы, безумство идущих на смерть бойцов:

Гречанка верная! не плачь,— он пал героем!

Свинец врага в его вонзился грудь.

Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем

Назначила кровавый чести путь?

Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,

Супруг тебе простер торжественную руку,

Младенца своего в слезах благословил,

Но зная черное свободой восшумело,

Как Аристокитон, он миртом меч обвил,

Он в сечу ринулся — и падши совершил

Великое, святое дело.

Неудачи греческих повстанцев, поражения революций в Неаполе, Пьемонте, Испании отозвались глубокой горечью в душе Пушкина, породили его трагические сомнения в способности народов отстоять дело свободы, понять ее необходимость:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Но поэт сразу же восстал против неправильного толкования его некоторых пессимистических высказываний о Греции. «С удивлением слышу я, — писал он одному своему знакомому из Одессы, — что ты считаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства... Ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа... Ничто еще не было столь **народно**, как дело греков...»

Обнаруженный во Флоренции рукописный вариант работы «О греках, о турках и о европейском общественном сознании» Д.П. Бутурлина — тоже страстный памфлет в защиту греческой свободы. Уже одно только это говорит, что передовой образ мыслей не был давно забытым грехом молодости Дмитрия Петровича, а был сохранен им на протяжении всей жизни. Но старый библиофил в своем сочинении выступает не только как убежденный сторонник независимости Греции от Османской империи. Одновременно он развивает глубокие мысли, направленные против реакционной идеологии Священного союза, против незыблемости определенного им устройства Европы, за право народов самим выбирать форму правления в соответствии с духом и потребностями времени. Дмитрий Петрович язвительно высмеивает решения конгрессов Священного союза, цель которых — «постоянное противодействие всем улучшениям, всем изменениям». Бутурлин показывает себя убежденным диалектиком в подходе к законам общественного развития, заявляя, что навязывать обществу неизменные нормы — значит обрекать его на смерть, что великое человеческое сообщество не может существовать, замыкаясь в старом, отвергая все новое. Нужно смело отбрасывать отжившие формулы, призывает он, заявляя, что Священный союз стоит на страже того, что беспощадно обречено временем.

Дмитрий Петрович, таким образом, до конца своих дней был верен тем освободительным идеям, которые воодушевляли в молодости его и близких к нему русских людей и которые озарили путь юного Пушкина. В этом большое принципиальное значение греческого памфлета Д.П. Бутурлина, который, к сожалению, по сути дела, остался в России неизвестным и не был по достоинству оценен его современниками.

Между тем его автор смотрел на свое произведение отнюдь не как на плод академических размышлений. Рукопись после ее завершения он сразу же направил графу Каподистрия, греку по происхождению, состоявшему на государственной службе в России и в качестве второго стат-секретаря по иностранным делам (первым был К. В. Нессельроде, фанатичный приверженец идей Священного союза) руководившему ее восточной политикой. На русской службе граф Каподистрия продолжал преследовать те же патриотические цели освобождения своей родины, которым он посвятил всю жизнь, начиная с первых своих шагов на политической арене. Он видел в России естественную опору для греческого национально-освободительного движения и потому отрицательно относился к Священному союзу, который, с его точки зрения, отвлекал внимание Петербурга от решения важнейших внешнеполитических задач на Востоке — отторжения от Турции ее европейских территорий и создания там ряда независимых государств под эгидой России. Исходя из этого он выступал против усиления англо-австрийского влияния в Европе, был противником подавления неаполитанской революции, активно участвовал в основании гетерий — греческих тайных обществ, борющихся за независимость своей родины.

В мае 1822 года Каподистрия вынужден был уйти в отставку с русской службы из-за разногласий с Александром I, который стал на сторону австрийского канцлера Меттерниха, считавшего действия в защиту греческой независимости от Турции недопустимыми на том основании, что «брешь, пробитая в системе европейского монархического союза войной с турками, явилась бы брешью, через которую ускоренным шагом вторглась бы революция».

Впоследствии, как известно, государственные интересы вынудили Россию изменить линию и выступить в поддержку независимости Греции. Меттерних слишком поторопился, когда после отставки Каподистрии торжествующе сообщал императору Францу, что тот «похоронен до конца жизни». Каподистрия, переселившийся в 1822 году в Женеву, продолжал там энергичную патриотическую деятельность и в 1827 году был избран первым президентом независимой Греции.

Граф Каподистрия ответил Д. П. Бутурлину уже из Женевы теплым письмом, в котором благодарил его за благородные чувства солидарности с делом греческой свободы. Сетую по поводу того, что есть люди, для которых «история начинается лишь с 1814 года», то есть с основания Священного союза, и которые, естественно, останутся глухи к идеям Д. П. Бутурлина, он заверял своего русского единомышленника в том, что его труд не был предпринят напрасно и что он займет подобающее место в истории.

Граф Каподистрия известен нам также и как доброжелатель Пушкина. Вместе с Н. М. Карамзиным именно он в 1820 году предпринял

шаги, чтобы предотвратить ссылку поэта на Соловки или в Сибирь, дерзнув доказать Александру I «всю жестокость» подобного решения.

И опять встает вопрос о том, как случилось, что старый библиофил, исповедуя столь передовые для своего времени идеи, которые его роднили с людьми, подобными Каподистрии, одновременно мог питать недоверие к А. С. Пушкину, рекомендуя младшему сыну перед отъездом того в Одессу остерегаться опального поэта. Причиной тому, очевидно, были не вольнолюбивые мотивы в лирике Пушкина, которым библиофил мог только сочувствовать. Поэта очернили в глазах Д. П. Бутурлина лица, которые были связаны с К. В. Нессельроде и его супругой, впоследствии злейшими врагами А. С. Пушкина. А. С. Пушкин, состоявший в это время формально на службе в министерстве иностранных дел, был «подчиненным» К. В. Нессельроде, который непосредственно осуществлял «высочайшие» указания по преследованию молодого поэта. Враждебное отношение к Пушкину в семье Нессельроде сложилось уже тогда. Анализируя русское окружение Д. П. Бутурлина во Флоренции, нетрудно обнаружить, кто мог его настроить против Пушкина.

Михаил Дмитриевич Бутурлин в своих мемуарах сообщает, что мысль о направлении младшего сына на службу в Россию в канцелярию М. С. Воронцова отцу подал находившийся тогда во Флоренции Д. П. Северин, чиновник коллегии иностранных дел, будущий русский посланник в Швейцарии. «Очень часто бывал у моего отца Дмитрий Петрович Северин,— пишет М. Д. Бутурлин,— приезжавший несколько раз в отпуск во Флоренцию... Он очень часто обедал вдвоем с моим отцом... Не взирая на неравенство лет между отцом моим и Д. П. Севериным, молодой дипломат приобрел его дружбу и даже некоторое влияние над ним, как видно из того, что по его совету отец мой отправил меня позднее к своему двоюродному брату гр. М. С. Воронцову; поездка эта предназначалась быть подготовительным шагом для моего поступления на службу. Помню, отец мой говаривал, что Северин и Матусевич (преждевременно умерший) были сотрудниками графа Каподистрии».

Слово «сотрудники», как видно, здесь употреблено автором в смысле «единомышленники», однако есть серьезные основания сомневаться в искренности Д. П. Северина. Хорошо знавший этого человека еще по «Арзамасу» Ф. Ф. Вигель так характеризует его в своих «Записках»: «В сокращенном виде был он Уваров, с тою, однако, великою разницей, что последний был знатнее родом, гораздо красивее, во сто раз умнее и богаче и даже добродушнее его. Я думаю, оттого, что безмерные притязания Уварова давно уже обратились в права, а Северина и поныне еще терзает неудовлетворенное честолюбие... С годами взволнованная желчь, разливаясь по жилам и чертам его, в самый неприятный цвет, наконец, окрасила его лицо. Вот его наружность. Что касается до характе-

ра, это было удивительное слияние дерзости с подлостью; но надобно признаться — никогда еще не видел я холопство, облаченное в столь щеголеватые и благородные формы».

«Арзамасцы», дававшие всем смешные и меткие прозвища, попав не в бровь, а в глаз, нарекли Северина «Резвым котом» за неумемное честолюбие, двигавшее этим человеком всю жизнь.

Пушкин знал «Резвого кота» также еще со времен «Арзамаса», а потом встречался с ним в Одессе, где и произошла его стычка с честолюбивым чиновником, который впоследствии относился к поэту с неизменной враждебностью. «Здесь Северин, но я с ним поссорился и не кланяюсь», — писал Пушкин из Одессы 14 октября 1823 года. А. И. Тургенев, касаясь этой ссоры, сообщал П. А. Вяземскому, что Пушкин «был в Одессе у Северина, который сказал, чтобы он не ходил к нему; обошелся с ним мерзко». Поэт едко высмеял отличавшую Северина заносчивость выскочки в известной эпиграмме:

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин, —
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

Отрицательны отзывы об этом человеке и других современников. Даже Софья Карамзина, дочь историографа, говорившая, что она любит его при всех его недостатках, писала, что отличительные свойства Северина — «тщеславие и непрестанное самохвальство».

Неудивительно, что Д. П. Северин «совершенно» отказался принимать участие в судьбе поэта, когда к нему перед высылкой Пушкина из Одессы обратились П. А. Вяземский и А. И. Тургенев. Северин, как можно предположить, продолжал мелко мстить поэту и в беседах с Д. П. Бутурлиным, изобразив его в самом невыгодном свете...

В заключение хотелось бы рассказать еще об одной находке, сделанной в доме двоюродной сестры маркиза Антинори. Уже в наш последний визит хозяева показали нам случайно обнаруженный ими в библиотеке голубой листок из старинного альбома со стихами на русском языке. В левом верхнем углу на листке помечено: «Кн. Одоевский 1815 г.».

Рукописный поэтический набросок состоит из трех четверостиший. Второе четверостишие не закончено и перечеркнуто, так что в нем можно разобрать не все слова. Идеи его повторены в третьем, законченном

четверостишии. Вместе с поддающимися расшифровке словами из второй и третьей строф стихи звучат так:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель,
Какой венец ему, какой ему алтарь?
Вселенная! пади пред ним, он твой спаситель;
Россия! им гордись — он сын твой, он твой царь!
Муж слабый победитель.
Какой венец ему? Какой ему алтарь?
Вселенная, восстань: упал твой разрушитель!
Россия, возгордись!
Муж алчный к почестям, разбойник-победитель,
В венце на голове, чужой похитив трон,
Вселенная тиран, мучитель и грабитель
Ты Наполеон?

Первая строфа стихотворения принадлежит П. А. Вяземскому. Это известные стихи, написанные по поводу чествования Александра I в московском дворянском собрании по возвращении его из Парижа в 1814 году. Так, может быть, и остальные две строфы тоже сочинил П. А. Вяземский, а хозяева альбома запомнили это и ошибочно задним числом сочли их автором Одоевского? Но почерк на листе альбома иной, не похожий на почерк Вяземского, полудетский по своему характеру. Вполне возможно, что вторую и третью строфы написал будущий декабрист тринадцатилетний Александр Одоевский. Стихи, отгаликивающиеся от строфы Вяземского, относятся к той поре, когда русское общество было охвачено патриотическим порывом, вызванным победой над Наполеоном. Они посвящены двум главенствовавшим тогда в умах историческим фигурам: Александру I и Наполеону, противопоставляемым друг другу в духе того времени как воплощение двух противоположных начал.

Если на листке альбома действительно отразилась работа юного поэта над своими стихами, то во Флоренции хранится один из немногих дошедших до нас автографов Александра Одоевского. Поэт не хранил рукописей своих стихов, сжигал их, ибо «презирал» в молодости «печатное бытие», а после событий на Сенатской площади, в заключении, на каторге и в ссылке «избегал всяких писаний», поскольку они могли навлечь на него новые преследования. Стихи его жили в устных преданиях, песнях и дошли до потомков благодаря записям, сделанным друзьями по каторге и ссылке. В бутурлинский альбом мог попасть один из первых поэтических опытов тринадцатилетнего Александра Одоевского, отдавшего дань увлечению «победителем Наполеона», подобно П. А. Вяземскому, автору первой строфы, идеи которой пытался развить юный стихотворец.

В предполагаемом поэтическом автографе Александра Одоевского, разумеется, бесполезно искать ростки его будущих декабристских воззрений. Эти стихи можно рассматривать только как свидетельство рано пробудившегося в мальчике дара, который в будущем обессмертит имя декабристского поэта, автора знаменитого ответа на пушкинское послание «Во глубине сибирских руд» — гимна сибирских узников, проникнутого жизнеутверждающим оптимизмом и неистребимой верой в торжество их правого дела:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,—
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

Любая вновь найденная строчка из большей частью погибшего богатого творческого наследия А. Одоевского ценна сама по себе. Но нас эта находка обрадовала вдвойне, подтвердив, что Бутурлины привезли с собой в Италию русские альбомы, на страницах которых могли сохраниться и стихи Пушкина. Где альбом, из которого выпал синий листок, где другие автографы, собиранием которых вместе с дочерьми увлекался и сам старый русский библиофил?

Хозяева дома, к сожалению, не смогли отыскать у себя других листов «синего альбома», хотя помнили, что он попадался им на глаза и что в нем записано немало других стихов на русском и французском языках. После телефонных консультаций молодежи со старшими членами семьи, находившимися за границей, выяснилось, что альбом, как и многие другие документы Бутурлиных, скорее всего находится в загородном доме. Бутурлинский архив вместе с частью библиотеки Дмитрия Петровича, оказывается, занимает там весь подвальный этаж старинного особняка. Чтобы его разобрать, требуются недели, если не месяцы кропотливой работы...

Наши новые друзья, горячо заинтересовавшиеся историей своих русских предков, пообещали нам, что самым тщательным образом исследуют весь семейный архив, чтобы выявить в нем реликвии русской культуры, и обратят особое внимание на материалы, связанные с Пушкиным.

Хочется верить, что эти материалы в конце концов будут найдены.

СОРРЕНТИЙСКАЯ ЗАГАДКА

Вот уже не первое десятилетие пушкинистов занимает вопрос о загадочных письмах поэта, оказавшихся волею судеб на берегу Неаполитанского залива в городе Сорренто. Впервые о них стало известно со слов А. М. Горького. Писатель, живший с 1924 года в Италии, писал как-то С. Н. Сергееву-Ценскому: «Живу я не в Сорренто, а в минутах в пятнадцати — пешком — от него, в совершенно изолированном доме герцога — знай наших! Серра-Каприола».

Всеволоду Иванову Горький, в свою очередь, рассказывал: «Предок нын(ешнего)го дюка был послом неаполитанского короля в Петербурге. Этот Серра-Каприола был любителем искусств и даже сам гравировал. Женился сей посланник на русской княжне Вяземской. С княжной состоял в переписке А. С. Пушкин, и в семейном архиве Серра-Каприола сохранились письма Пушкина...»

Горький пытался выкупить письма Пушкина, но натолкнулся на ожесточенное сопротивление сына хозяина снимаемого им помещения, убежденного фашиста, откровенно враждебно относившегося к русскому постояльцу. В передаче Всеволода Иванова история с письмами поэта окрашена в драматические тона: «Когда фашист узнал, что старик Серра-Каприола хочет продать письма Пушкина, он в ярости взвалил вообще весь семейный архив на тачку и повез топить в море! Еле отбили. И с того дня письма исчезли. Спрятал, наверное».

Горький называл «горем» участь, постигшую письма поэта. По словам биографа Горького И. А. Груздева, всего у Серракаприолов было пять писем поэта. Одно из них Горький видел сам.

...Пушкин мог познакомиться с четой Серракаприолов после окончания Лицея, в 1817—1820 годах. Дом неаполитанского посланника был, по словам современников, «одним из самых блестящих в Петербурге», где встречались сливки высшего света столицы, иностранные дипломаты и виднейшие представители русской дворянской интеллигенции. Предметом переписки поэта с супругой неаполитанского дипломата исследователь окружения Пушкина Л. А. Черейский считает революционные события 1820 года в Италии. Л. А. Черейский пишет по этому поводу: «Можно высказать предположение, что в неизвестных нам письмах Пушкин обращался к жене посланника Обеих Сицилий за информацией о развивавшихся событиях в Неаполе и Западной Европе. Позднее поэт использует эту информацию при создании десятой главы «Евгения Онегина» с ее политической хроникой».

Если это так, действительно есть о чем пожалеть, что эти загадочные письма, столь важные для характеристики политических взглядов поэта, до сих пор не только не возвратились на родину, но и по-прежнему находятся под спудом и не доступны исследователям...

Каждый раз, когда нам приходилось бывать в Сорренто, у нас возникало желание посетить дом на окраине города, в котором долгие годы прожил великий пролетарский писатель и где, возможно, до наших дней хранятся письма Пушкина. Но всякий раз останавливало воспоминание о сыне-фашисте с его враждой к нашей стране. Наконец, в 1976 году, занимаясь поисками картин Сильвестра Щедрина, мы познакомились с директором соррентийского Музея Корреале Рубиной Кариэлло, милой и симпатичной женщиной, которая, как оказалось, приходится дальней родственницей Серракаприолам и поддерживает с ними тесные отношения. Она рекомендовала нам посетить их дом, так как ей помнилось, что одна из принадлежащих им картин с видом Неаполя напоминала манеру русского пейзажиста. Нам, стало быть, вдвойне было интересно побывать в доме потомков герцога, и поэтому мы донельзя были благодарны Кариэлло, когда она тут же позвонила своим родственникам и передала нам, что они будут рады видеть нас завтра в девять часов утра.

Без пяти минут девять мы были у входа на виллу Серракаприолов. Ворота виллы уже были приоткрыты, а за ними в саду стояла группа посетителей, с виду крестьян, с кирпично-красными от загара лицами. Они почтительно держали в руках шляпы, ожидая очереди на прием. Вилла, выходявшая одной стороной на дорогу, была справа от ворот: утопающий в зелени старинный особняк, в котором снимал квартиру Горький. Слева, в глубину сада, уходила аллея лимонных деревьев, увешанных, как рождественские елки, тяжелыми золотистыми шарами зрелых плодов. Еще левее были какие-то хозяйственные службы — увитые плющом добротные одноэтажные каменные строения.

— Вы тоже по поводу оливкового масла? — спросил нас один из просителей, пожилой крестьянин, мавший в руках шляпу.

— Какого масла? — удивились мы.

— Синьорины — самые крупные производители оливкового масла в Сорренто. У них лучшая в городе давящая, — разъяснил нам другой крестьянин, помоложе. — Так вот мы к ним по этому делу...

Мы поспешили успокоить клиентов Серракаприолов, разъяснив, что не составим конкуренции им: ни к производству, ни к сбыту оливкового масла не имеем никакого отношения.

Синьорина по-итальянски — это барышня, девушка. Воображение рисовало белокурых красавиц, потомков русской княжны Вяземской, с длинными, распущенными согласно моде волосами. Как-то вылетело из головы, что в Италии синьоринами называют вообще всех незамужних женщин, независимо от возраста...

Тем временем появилась служанка в кружевном фартуке и поинтересовалась, по какому делу мы к хозяевам. Мы дали свои визитные карточки. Через несколько минут служанка попросила нас пройти в дом, а крестьянами занялся подоспевший к тому времени управляющий.

В небольшой, очень уютной гостиной, обставленной старинной мебелью, нас встретила пожилая женщина, которой мы дали бы лет шестьдесят, — очень живая и подвижная, несмотря на возраст, намного, как выяснилось впоследствии, более почтенный, чем мы думали. Она приветствовала нас на чистейшем русском языке:

— Я Матильде. Здравствуйте. Очень, очень рада. Извините мое произношение.

Мы заверили, что произношение безукоризненное.

— О, спасибо, спасибо. Ведь после того как уехал Горький, случай поговорить по-русски предоставляется здесь не так уж часто.

И тут же перейдя на итальянский, продолжала:

— Мы все очень любили писателя. Самые дружеские отношения у Горького сложились с моим отцом. Как сейчас вижу их вдвоем за чашкой чая на террасе, которая — вы видели? — выходит в сад. Рабочий день у Горького начинался очень рано. Работал он на террасе, и я тоже чуть свет пробиралась в сад, чтобы посмотреть, как это он сочиняет свои романы и пьесы. Когда Горький замечал меня, он грозил пальцем и с напускной строгостью говорил: «Иди спать!»

Служанка принесла кофейник и стала разливать густой и черный, как деготь, напиток в изящные чашки тонкого голубого фарфора.

— Русская работа, — объяснила нам хозяйка. — Сервиз из приданого моей прапрабабушки Анны Вяземской. Вы знаете, что мой прапрадед Антонино Мареска герцог ди Серракаприола — так звучит его полный титул — почти сорок лет жил в России и из них более 30 лет был послом Неаполитанского королевства в Петербурге? Я, кстати, разыскала для вас старый альбом, который принадлежал моим предкам в Петербурге. Посмотрите. Может быть, найдете в нем что-либо интересное...

Еще бы! Стоило нам перевернуть несколько страниц альбома, как мы сразу попали на подписной карандашный рисунок художника А. О. Орловского, изображающий русского лотошника с товарами, и далее — на две вклеенные акварели Джакомо Кваренги. На одной из них была архитектурная фантазия, на другой — фигурная композиция. Остальные листы альбома были заполнены работами любителей.

Есть ли другие альбомы? Другие работы русских художников? И, наконец, сохранился ли архив посла и его семьи?

Матильде Серракаприола сказала нам, что другие альбомы хранятся не у них, а в доме их племянника Антонино, живущего в местечке Серракаприола, близ города Фоджа, в своем фамильном замке. Что же касается фамильных бумаг, то все они давно переданы в государственный архив Неаполя, где с ними можно познакомиться с разрешения Антонино Серракаприола. К нему как представителю мужской ветви Серракаприолов перешел герцогский титул, в то время как она, например, име-

ет право только на отличительное звание «донна Матильде». Впрочем, в послевоенной Италии дворянские титулы отменены вообще...

После кофе донна Матильде показала нам всю виллу, потом провела в сад. Серракаприолам принадлежит почти все северное побережье мыса к западу от Сорренто. Он занят апельсиновыми, лимонными и оливковыми рощами. Часть земли, выходящая к морю, отведена под туристский центр. Во время купального сезона этот участок, на территории которого возведены легкие бунгалов, сдается иностранным туристским фирмам. Донна Матильде провезла нас на своем автомобиле, который она вела с завидной легкостью по извилистым узким тропинкам старинного парка. А ей, как она сама призналась, было под восемьдесят!

Последним объектом экскурсии была знаменитая давяльня. Мы не смогли в полной мере оценить технические совершенства, которые применялись Серракаприолами при отжатии маслин, но поверили в это на слово донне Матильде.

Когда мы выходили из давяльни, к навесу подъехала белая малолитражка, из которой вышла высокая пожилая дама с взбитой пепельной прической и энергичными шагами направилась к нам.

— *E' mia sorella Elena*, — по-итальянски сказала нам донна Матильде.

— Или Елена Николаевна Серракаприола, — по-русски с отличным выговором представилась донна Елена. Сестры внешне совсем не были похожи друг на друга: хрупкая и деликатная Матильде со славянской мягкостью в чертах и энергичная и решительная Елена, типично итальянской внешности, как две капли воды похожая на своего предка посла, в чем мы убедились позднее, увидев его портреты.

Елена, судя по всему, верховодила в доме. Во всяком случае, подходившие во время нашего разговора служащие поместья теперь обращались к ней за всякими хозяйственными указаниями.

— Извините, что не смогла вместе с Матильде встретить вас, — говорила между тем Елена. — Мне надо было выехать с утра в город по делам. Хозяйство свое мы ведем сами, никому не передоверяем. И знаете? Впервые Серракаприолы не ходят в долгах, как это велось целых полтора столетия, начиная еще с посла. Ему тоже, несмотря на высокий пост, не всегда удавалось сводить концы с концами.

Мы своими глазами видели, что хозяйство у сестер и в самом деле было поставлено превосходно.

В помещении виллы, куда мы возвратились после прогулки по обширным владениям сестер Серракаприола, нам был приготовлен сюрприз. Служанка принесла из другого дома, который, как объяснили сестры, стоит в глубине парка, картину — ту самую, что нам рекомендовала посмотреть Рубина Кариэлло. Увы, это был не Сильвестр Щедрин, а довольно посредственная копия с него, выполненная согласно подписи живописца в 1836 году, то есть шесть лет спустя после смерти русского

художника. Фамилия копииста, скорее всего местного художника (подпись сделана латинскими буквами), не поддается расшифровке, живописное его мастерство не поднимается выше ремесленного, но тем не менее картина представляла для нас интерес, поскольку была сделана с одного из вариантов щедринского этюда «Лунная ночь в Неаполе», находящегося в Харьковском музее изобразительных искусств. На нем изображен Норманский замок и в глубине залива — огнедышащий Везувий. Композиция скопированного варианта в точности повторяет харьковский пейзаж. Есть только небольшие различия в стаффаже, к чему С. Щедрин прибегал всегда, когда делал варианты своих работ.

Расстались мы с сестрами Серракаприола друзьями, пообещав обязательно сообщить им о результатах наших архивных изысканий и заручившись телефоном Антонино Серракаприола.

Поговорить с герцогом по телефону оказалось не так-то просто. Всякий раз, когда мы набирали его номер, отвечал женский голос с сильно выраженным южным акцентом, сообщавший нам, что «синьор дука» (герцог) либо «в поле», либо в поездке где-то на севере Италии. Позвонили в Сорренто сестрам Серракаприола.

— О,— ответила нам Матильде.— Антонино ведь ведет жизнь не синьора, а крестьянина. Он сам обрабатывает землю, умеет водить трактор, берет на себя переговоры о сбыте пшеницы, закупке удобрений. Поэтому его так трудно застать дома.

Прошло несколько месяцев, пока, наконец, удалось дозвониться герцогу Антонино Серракаприоле. Герцог сказал, что знает о нашем визите к тетушкам в Сорренто и, конечно, с удовольствием встретится с нами. Для этого нет нужды ехать в местечко Серракаприола: у него есть квартира в Риме, куда он наведывается довольно часто. Правда, в ближайшее время он не планирует вояж в Рим, но, как только разделается с делами в деревне, постарается приехать в столицу.

Но потом герцогу опять был недосуг, и в результате наша встреча с весны переехала на осень.

Наконец, в начале сентября герцог оказался в Риме, и мы повидались с ним в старинном палаццо Аньоло близ площади Навоны. Первые этажи палаццо заняты посольством одной из латиноамериканских стран. Квартира герцога располагается на 3-м этаже. Из лифта мы вышли в просторный высокий коридор, увешанный портретами эпохи Возрождения. Мы внимательно стали их разглядывать, будучи уверенными, что это далекие предки герцога. На шум захлопнутой двери лифта из квартиры Серракаприола вышла пожилая служанка, осведомившаяся у нас, не те ли мы русские, которых дожидается синьор герцог. Мы не успели ответить, как в коридор вышел и сам герцог: высокий подтянутый мужчина лет 50, одетый по-домашнему, в сорочке без галстука. Его

курчавые, коротко стриженные волосы кое-где серебрила седина. На лице был плотный, отнюдь не пляжный загар.

— Серракаприола,—с приветливой улыбкой жал нам руки герцог.— Эти портреты к нашей фамилии никакого отношения не имеют. Это предки хозяина палатцо, у которого я просто один из квартиро-съемщиков...

Герцог провел нас в гостиную, усадил в кресла и, извинившись, исчез, чтобы распорядиться о прохладительных напитках. Мы тем временем рассматривали убранство гостиной, где наше внимание прежде всего привлек большой портрет маслом с изображением благородной дамы средних лет в напудренном парике.

Служанка вскоре принесла поднос с бутылками минеральной воды и кока-колы. Вслед за ней в гостиную вошел и герцог, держа в руках старинную шпагу.

— У нас сохранилась вот эта любопытная вещица. Понимаете по-французски? Тогда читайте.

На золотой ручке шпаги было выгравировано: «Donné par Sa Majesté l'Empereur Paul I au Duc de Serra Capriola en janvier 1800». — «Подарено Его Величеством императором Павлом I герцогу Серра Каприола в январе 1800 года».

Крестьянские занятия нисколько не мешали герцогу быть настоящим полиглотом: с итальянского он легко переходил на французский и время от времени вставлял в свою речь фразы на отличном русском языке.

Герцог нам рассказал, что у него, помимо шпаги, сохранились некоторые другие вещи его предка и тезки, неаполитанского посла в Петербурге Антонино Серракаприола. Имя старого дипломата в их роду всегда было окружено большим почтением: его самого нарекли Антонино в честь посла, вошедшего в историю Неаполя и всей Италии в качестве выдающегося представителя «патриотической партии». То есть тех деятелей, которые в меру своих возможностей боролись за интересы всей страны, а не партикулярные интересы мелких государств, на которые тогда была разделена территория Апеннинского полуострова.

— Что же касается русской ветви,—говорил герцог,—то она представлена в гостиной вот этим портретом Анны Александровны, урожденной русской княжны Вяземской, дочери знаменитого екатерининского министра князя Александра Вяземского. Портрет написан австрийским художником Йозефом Хиккелем. Это единственное сохранившееся у нас ее изображение, если не считать группового портрета семьи посла, который находится у тетушек в Сорренто. Но тамошний портрет чересчур уж условен...

Довольно условным нам показался и портрет кисти Йозефа Хиккеля. Он изобразил свою модель в три четверти оборота, сидящей в до-

вольно напряженной позе на диване. Правая рука портретируемой лежит на коленях, в левой она держит некую грамоту, которая, по мысли художника, видимо, должна подчеркнуть просвещенность именитой русской дамы. На Анне Александровне — роскошное светло-голубое атласное платье, отороченное кружевами.

На пухловатом румяном лице застыла не улыбка, а скорее слабый намек на нее, нисколько, впрочем, не оживляющий маловыразительной внешности супруги неаполитанского посла, какой она предстает с этого портрета. Но если лицо модели не далось художнику, то аксессуары одежды и руки, как и все посредственные живописцы, он написал поистине с виртуозным мастерством. В силу очень условной живописной манеры автора портрета, о возрасте Анны Александровны судить трудно, но и прическа, и платье, да и весь академический дух этой работы позволяют отнести ее к концу XVIII — началу XIX века, когда супруге посла, родившейся в 1770 году и вышедшей замуж за Серракаприолу в восемнадцатилетнем возрасте, было около 30 лет или чуть больше.

Намного более удачен портрет самого посла кисти неизвестного художника: написанное маслом изображение дипломата при всех орденах. Портрет, видимо, был выполнен также на рубеже XIX века, когда Антонино Серракаприоле уже перевалило за 50. Это еще крепкий мужчина, с волевым лицом, цепким и умным взглядом.

Герцог показал нам также многочисленные акварели, выполненные в Петербурге сыном посла Николой Серракаприолой. Это он, а не сам посол, оказывается, увлекался художествами и весьма недурно рисовал, оставив многочисленные виды Петербурга и его окрестностей, в том числе Мурзинки, где у Серракаприолов-Вяземских была дача. Висят в римском доме герцога и акварели с интерьером петербургского дома, в котором жила Анна Александровна со своим мужем. Этот дом в слегка перестроенном виде сохранился. Сейчас в нем по Фонтанке, 22 располагается одна из ленинградских школ. Выдержанный в стиле классицизма дом этот, как мы выяснили впоследствии, работая в семейном архиве Серракаприолы, Анна Александровна получила в качестве приданого от своего отца.

Любопытна акварель, изображающая крестины дочери художника и внучки Анны Александровны Александрины, нареченной так в честь крестного отца, императора Александра I. На картинке вместе с русским царем и родителями новорожденной изображены также представители русской знати и итальянской колонии в Петербурге. Никола Серракаприола оставил много других портретных набросков с петербургских знакомых своей семьи — иностранных дипломатов, русских аристократов, своих сверстников и сверстниц из числа посетителей салона Серракаприолов-Вяземских. У герцога хранятся десятки этих набросков, ак-

куратно вклеенных в альбом. Некоторые из них поднимаются до уровня профессиональных работ по меткости характеристик изображенных...

В заключение встречи герцог дал нам для пересъемки этот альбом и написал письмо в Неаполитанский государственный архив, в котором сообщал, что разрешает нам ознакомиться с фондами принадлежащих ему фамильных бумаг. Одновременно Антонино Серракаприола вручил нам и краткое описание своего семейного архива, добавив, что сам он в него никогда не заглядывал и знает о нем только из этого описания, которое было составлено Амелией Джентиле, после того как в 1950 году его отец передал бумаги на хранение государству.

Из описания следует, что фонд Серракаприолов состоит из колоссального числа хранений, ибо объединяет в себе документы нескольких старинных дворянских родов Италии, слившихся со временем с родом Серракаприолов, — начиная с конца XIII века до наших дней. Архив посла и его сына выделен в особую группу, насчитывающую десятки папок с тысячами документов — писем разных лиц, копий ответов на них, копий дипломатических реляций, паспортов, всевозможных других проездных документов и т. д.

Над первоначальной систематизацией бумаг Антонино Серракаприоли еще до передачи его государству в двадцатых годах нашего века работал молодой Бенедетто Кроче, впоследствии крупнейший итальянский историк, философ и литературовед. По материалам архива Бенедетто Кроче в 1927 году опубликовал очерк о жизни и деятельности неаполитанского дипломата. Однако Кроче не закончил обработку архива, ибо, как мы убедились в ходе ознакомления с документами, авторы многих сотен писем, адресованных Антонино Серракаприоле и его сыну, не были определены и не попали в папки, в которых в алфавитном порядке разложена обработанная корреспонденция посла.

Позднее, уже в 50-х годах нашего века, архив Серракаприоли тщательно изучил известный итальянский историк-марксист Джузеппе Берти в ходе подготовки своей фундаментальной работы «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто». В этой монографии, вышедшей в Италии в 1957 году, а двумя годами позднее — в русском переводе в СССР, Берти впервые дал исчерпывающую характеристику Антонино Серракаприоли — дипломата, человека, итальянского патриота. Историк нашел большое количество неизвестных и не использованных ранее материалов, которые позволили в новом свете увидеть фигуру неаполитанского посла, сумевшего стать на голову выше и своих коллег, дипломатических представителей в Петербурге других итальянских государств, и коронованных вершителей судеб его родины в оценке тогдашней международной обстановки и путей борьбы за независимость Италии.

Антонино Серракаприола был назначен послом Королевства Обеих Сицилий, как тогда официально называлось это государство, в 1782 году. Он был вторым неаполитанским послом в России после установления дипломатических отношений между Россией и Королевством Обеих Сицилий. До этого пост неаполитанского посланника в Петербурге занимал герцог Ди Сан-Никола, смотревший на свою миссию как на сущее наказание. Сначала он всячески откладывал отъезд в Россию, а приехав в Петербург, не чаял, как унести оттуда ноги. Герцог Ди Сан-Никола панически боялся русских морозов. Екатерина II рассказывает в своих письмах, что герцог и герцогиня Ди Сан-Никола до того были терроризированы русскими холодами, что всю зиму в Петербурге проводили, не вылезая из-под одеяла, в постели.

В сложную для Италии пору герцог Серракаприола вел линию, глубоко отвечавшую его патриотическим убеждениям. Не в пример своему предшественнику он с самого начала относился к врученной миссии с полным сознанием ее важности для жизненных интересов родины. Он понял, что Россия является естественным противовесом смертельных врагов итальянской независимости в лице Австрии и Англии, и потому все силы своей недюжинной натуры отдавал укреплению связей с великой северной страной. Это был необыкновенно целеустремленный человек. Он поначалу плохо знал тонкости дипломатического ремесла, ибо впервые оказался на поприще большой политики, и в своей деятельности полагался больше на здравый смысл и глубокий анализ современной ему обстановки. Прибыв в Петербург, герцог Серракаприола принимается за основательное изучение страны, в которой он надеялся найти естественного союзника и покровителя Италии, устанавливает обширные связи среди влиятельнейших лиц в русской столице, особенно из окружения императрицы. Эти связи сыграют впоследствии большую роль в сохранении веса и престижа неаполитанского посланника на протяжении его многолетней миссии в России, уготовившей ему немало испытаний. К чести Серракаприола надо сказать, что выпавшие на его долю невзгоды не изменили его глубокой веры в Россию, ее великую будущность, не поколебали его убеждений в необходимости ориентации на Петербург итальянской политики. 23 декабря 1803 года он писал своему правительству: «...С какой бы точки зрения мы ни рассматривали политику, проводимую Россией в отношении нашего двора, все говорит за то, что нам не следует ни в коем случае отдаляться от нее. Россия будет той державой, которая так или иначе окажет в конце концов решающее влияние на нынешний кризис Европы; и если мы будем постоянно поддерживать в ней интерес к делам нашего двора, то при первом удобном случае сможем извлечь из этого выгоду. В противном случае при малейшем охлаждении наших отношений с Россией все завистники и враги нашего двора набросаются на нас».

На шестом году пребывания в России Серракаприола потерял жену Марию-Аделаиду, урожденную маркизу Карретто ди Камерано, и в новый брак вступил с русской женщиной.

Его второй женой стала княжна Анна Александровна Вяземская, дочь могущественного екатерининского вельможи князя Александра Алексеевича Вяземского (1727—1796), знаменитого генерал-прокурора, у которого, между прочим, служил в подчинении Г. Р. Державин. Жених еще более упрочил положение неаполитанского посла, связав его и родственными узами с правящей верхушкой России...

Можно понять наше волнение, когда мы переступили порог Неаполитанского государственного архива, в котором нам приходилось работать и ранее, и стали разбирать содержимое десятков пухлых папок с документами и перепиской неаполитанского дипломата.

Описание документов архива, имеющих отношение к русской истории, требует специального выступления и выходит за рамки нашей темы. Мы ограничимся лишь теми материалами, которые непосредственно связаны с поиском. Первая папка, которую мы раскрыли, естественно, содержала письма корреспондентов Серракаприолов, фамилии которых начинались на букву «П». Потребовалось лишь несколько минут, чтобы найти пачку писем, которые были внутри сложенного вдвое листа белой бумаги с надписью на французском языке «Poushchine». Находящиеся там письма тоже были на французском языке. Всего их шесть. Первые два письма датированы 13 декабря 1796 года и 31 декабря 1798 года.

Когда писались эти листки, поэта еще не было на свете. Другие письма не имеют точной даты, они более поздние, ибо на одном из них просматривается водяной знак 1803, на другом — 1815 годов. Два письма подписаны фамилией Пушкин, остальные носят подписи Мусина-Пушкина и Мусина-Пушкина-Брюса.

Письма, следовательно, никакого отношения к поэту не имеют. Они написаны другим Пушкиным — добрым знакомым герцога Серракаприолов графом Василием Валентиновичем Мусиным-Пушкиным-Брюсом, который в 1794—1800 годах был главой русской дипломатической миссии в Неаполе и пользовался большим уважением посла Королевства Обеих Сицилий. Обер-шенк, действительный камергер граф В. В. Мусин-Пушкин-Брюс был известен своими литературными и театральными увлечениями. До ссылки на юг и позднее с ним общался и сам А. С. Пушкин, который был также знаком с его женой Екатериной Яковлевной, урожденной Брюс, последней представительницей знаменитого петровского Брюса. Дабы род Брюсов не угас, ее фамилия, согласно царскому указу, была присоединена к фамилии мужа.

Однако как бы ни был значителен этот персонаж, увы, его переписка не шла ни в какое сравнение по своему интересу с разыскиваемыми

нами письмами поэта. Могло ли случиться, чтобы владельцы архива, люди образованные, знавшие французский язык, не обратили внимания, что эти письма ни по своему содержанию, ни по датам, ни, наконец, потому, что часть их подписана полной фамилией Василия Валентиновича, никак не вязались с именем поэта, младшего современника графа?

Мы решили самым тщательным образом просмотреть всю переписку Серракаприолов в надежде обнаружить автографы Пушкина в других папках, особенно в тех, где, как мы видели, хранились сотни писем не идентифицированных корреспондентов неаполитанского посла. Здесь нас ждало немало неожиданностей, вознаградивших первоначальное разочарование, и среди них самой большой было открытие двух десятков неизвестных писем Екатерины II, адресованных отцу Анны Александровны, а также писем старого друга Серракаприолы архитектора Джакомо Кваренги. Письма Кваренги тем более ценны, что архив зодчего после его смерти оказался в Италии, сведения о жизни выдающегося итальянского архитектора, обретшего в России вторую родину, до сих пор малочисленны и недостаточно достоверны, так как нередко основаны на свидетельствах третьих лиц.

Но и в сотнях писем неизвестных лиц и в папках с документами — паспортами, визами, подорожными и т. п. — автографов великого русского поэта мы не обнаружили. Обескураженные этими результатами, мы как-то заехали в Сорренто к сестрам Серракаприола и рассказали им об итогах знакомства с их фамильным архивом. О том, что в нем хранятся письма Екатерины II, они, оказывается, никогда не слыхали. Еще более нас удивило, что сестры никогда не слыхали и о письмах А. С. Пушкина. Мы подробно пересказали им сведения о судьбе этих писем, сообщаемые Всеволодом Ивановым, которые сестры нашли совершенно неправдоподобными. Во-первых, потому, что их брат Джованни, вступив в фашистскую партию, вызвал гнев отца, друга Горького, и избегал с тех пор появляться в Сорренто. Во-вторых, несмотря на семейные распри, память об Антонино Серракаприоле среди потомков всегда была окружена слишком большим уважением, и потому ни у кого не могла подняться рука на его архив. История с письмами поэта, говорили они, скорее всего плод какого-то недоразумения. Примерно то же самое нам повторил и их племянник герцог Антонино, когда мы в очередной раз встретились с ним. При всех скидках на взгляды и характер отца сын совершенно исключал мысль о том, что он когда-либо замыслил уничтожить документы, связанные с памятью самого выдающегося и известного представителя их рода.

Но были ли среди этих документов письма А. С. Пушкина? На это герцог не мог дать ответа. Он, во всяком случае, никогда не видел их и не слышал о них в семье, как, впрочем, и о письмах Екатерины II, о которых он тоже впервые узнал от нас.

Так, может быть, Горький ошибался, приняв за автографы поэта письма В. В. Мусина-Пушкина-Брюса?

Нет, это, видимо, не так. Не так прежде всего потому, что трудно допустить, что Горький, знавший французский язык настолько, что, по свидетельству Анри Барбюса, мог читать французские газеты (и даже делавший вставки по-французски в своей переписке, как о том говорит, к примеру, его письмо из Неаполя Е. П. Пешковой от 26 мая 1926 года, в котором мы читаем: «Мамаша, послезавтра мы уезжаем nach Sorrento * si vous voulez savoir**»), и видевший одно письмо, не обратил внимания на его содержание, исключаящее принадлежность автографа поэту, если его автором действительно был Мусин-Пушкин-Брюс. Секретарем у Горького работала, как известно, М. И. Будберг, отлично знавшая европейские языки. Она могла сделать квалифицированный перевод письма, раз оно оказалось в руках писателя. И далее. Горький говорил, что А. С. Пушкин состоял в переписке с женой посла, а не с ним самим, а хранящиеся в Неаполитанском архиве письма все начинаются с обращения: «Monsieur le Duc» — «Господин герцог», а не «госпожа герцогиня». Было бы очень странно, если бы ни Горький, ни Будберг не обратили на это внимания.

Пытаясь отгадать соррентийскую загадку, мы позвонили Джузеппе Берти, нашему старому знакомому, к которому мы не раз в трудных случаях обращались за консультацией. Не слыхал ли он о письмах А. С. Пушкина, которые были у Серракаприолов в Сорренто? «Как же не слыхал?» — рассмеялся историк. Слышал от самого их владельца Джованни Серракаприоли. Того самого, который был фашистом, но после войны изменил свои взгляды, очень благожелательно относился к коммунисту Берти, когда тот работал над своей книгой. По словам Берти, герцог рассказывал ему в начале 50-х годов, то есть уже после того, как основная часть архива Серракаприолов была сдана на государственное хранение, что у него в Сорренто есть письма Александра Пушкина, адресованные семье посла Серракаприоли. Историк при этом подчеркнул, что в Государственном архиве в Неаполе он внимательно просмотрел все бумаги Серракаприолов, писем поэта тогда там не было. Джованни Серракаприоли в ответ на просьбу историка показать ему письма А. С. Пушкина обещал разыскать их, но все никак не мог выкроить время, чтобы разобрать соррентийскую часть архива, где, говорил он, сотни писем, в том числе на русском языке, которого он не знает. В 1955 году герцог погиб в автомобильной катастрофе, так и не успев разобрать своих старых бумаг и не показав историку писем Александра Пушкина...

* в Сорренто (нем.)

** если хотите знать (франц.)

Встретились снова с Антонино Серракаприолой, чтобы рассказать ему о беседе с Джузеппе Берти. Он подтвердил слова отца о том, что в Сорренто до сих пор хранится часть их семейного архива, который занимает там три больших сундука. Там бумаги русской жены посла герцогини Анны Александровны. Именно поэтому они и не были включены в состав фамильного архива Серракаприолов, переданного государству.

— Так, значит, там и находятся письма А. С. Пушкина! Ведь Горький прямо говорил, что с поэтом переписывалась жена посла, а не сам Антонино Серракаприола...

— Раз это так важно, я просмотрю сам все соррентийские бумаги моей русской прапрабабушки,— пообещал нам Антонино Серракаприола.

Недели через две раздался звонок Серракаприолы. Антонино сказал, что он внимательнейшим образом просмотрел бумаги Вяземской. В основном это переписка по делам русских имений, счета, другие финансовые документы. Писем Александра Пушкина там нет. Отец, видимо, хранил их где-то в другом месте, но не помнил этого. Письма, учитывая их ценность, он мог, конечно, перевезти из Сорренто еще до войны в фамильный палаццо Серракаприолов в Неаполе, который был разбомблен во время налета на город союзной авиации в 1943 году. Вместе с бумагами погибли и богатая фамильная портретная галерея, другие картины и портреты, включая изображения лиц из петербургского окружения посла...

Часть последних, однако, дошла до нашего времени, и мы с ними познакомились, когда как-то сестры Серракаприола пригласили нас к себе в Сорренто на обед. За обедом Матильде говорила, какой образованной была Анна Александровна Вяземская, какой у нее отличный слог в письмах, написанных по-французски. Не то что жена Николы Серракаприолы, которая, бедняжка, несмотря на свое происхождение от одного из самых знаменитых дворянских домов Италии, не умела ни писать, ни читать.

— А такая была красавица,— продолжала Матильде.— У нас есть отличный ее портрет акварелью, кажется, какого-то русского мастера.

Мы, естественно, попросили тут же показать нам этот портрет, который действительно принадлежал кисти русского мастера и был подписан Петром Федоровичем Соколовым. В доме нашлось еще три акварели этого великолепного русского портретиста с изображениями самого Николы Серракаприолы, его сестры Елены и мужа последней графа С. Ф. Апраксина, написанного при всех регалиях.

Выбор этого художника для портретирования членов семейств младших Серракаприолов был не случаен. С. Ф. Апраксин, командир кавалергардского полка, впоследствии генерал-адъютант, покровительствовал П. Ф. Соколову, одно время даже жившему в доме графа и писав-

шему его портреты, из которых известен находящийся сейчас в Третьяковской галерее незаконченный акварельный набросок. С другим портретом С. Ф. Апраксина связана любопытная история, рассказанная в воспоминаниях ученика К. П. Брюллова художника М. И. Железнова. «Брюллов,— пишет М. И. Железнов,— очень уважал талант своего шурина — известного акварелиста Петра Федоровича Соколова. В 1845 г. летом он пришел к Соколову обедать и увидел у него в мастерской только что оконченную превосходно исполненную голову, портрет графа Апраксина, с неудачно пририсованным к голове контуром туловища. Брюллов после обеда, узнав, что следующий день Соколов хотел употребить на окончание этого портрета, ушел домой; но боязнь, чтобы Соколов не испортил превосходную голову неудачной фигурой, не давала ему спать и так беспокоила его, что он с восходом солнца, в четыре часа утра, вернулся к Соколову и разбудил его звонком.

Соколов удивился, что Брюллов пришел к нему в такое необыкновенное время, и выбежал к нему в испуге, полагая, что случилось что-нибудь необыкновенное; но, услышав упрёки за невежественное спанье и за неумение наслаждаться божественным утром, он вручил Брюллову ключ от своего кабинета, предоставив ему право восхищаться там утром на свободе, а сам опять пошел спать. Брюллов только этого и хотел: пока Соколов спал, он перерисовал ему всю фигуру портрета и окончил все аксессуары.

Соколов, как художник с замечательным талантом, не скрывал этого случая и сам рассказал его моему товарищу, художнику Чернышеву...»

Где находится это произведение, плод сотрудничества двух замечательных русских портретистов, до сего времени не было известно. Ознакомление с портретом С. Ф. Апраксина с великолепно написанной головой и живописными аксессуарами, украшающим дом Серракаприолов в Сорренто, наводит на мысль, что это, может быть, именно та акварель, над которой трудились П. Ф. Соколов и К. П. Брюллов. М. И. Железнов в таком случае ошибся, судя по всему, в дате: соррентийский портрет С. Ф. Апраксина, родившегося в 1792 году, сделан, когда ему было лет 30, то есть в начале 20-х годов, до отъезда К. П. Брюллова в 1822 году в Италию, откуда он вернулся только в конце 1835 года. Тогда же выполнен и портрет его жены Е. А. Апраксиной, урожденной Серракаприола, умершей в 1820 году. Изображения Николы Серракаприоли и его жены, наверное, сделаны П. Ф. Соколовым намного позднее, скорее всего, как о том говорит возраст герцога (он родился в 1790 году), в 1842 году, когда П. Ф. Соколов приезжал в Париж. Сын П. Ф. Соколова, тоже художник, А. П. Соколов рассказывал, что в Париже, куда отец прибыл для отдыха, ему тоже «...пришлось писать портреты многих лиц из русской колонии. Портреты графини Б. и С. наделали немало шу-

му и привлекли новую серию заказов, так что Париж грозил обратиться в тот же Петербург и надломить силы, восстановленные водами. Избегая усиленной работы, он оставил тем не менее в Париже несколько прелестных портретов, в том числе герцогини де-Серра-Каприоли (так у автора.— И. Б. и Ю. Г.)...»

Портрет герцогини и в самом деле прелестный и по мягкой, лирической трактовке образа, и по чудесному колориту, и по мастерской композиции, свободно и непринужденно связавшей фигуры матери и ребенка, хотя П. Ф. Соколов и не был мастером группового портрета.

Помимо четырех акварелей П. Ф. Соколова, Матильде и Элена показали нам миниатюрный портрет посла Антонино Серракаприоли уже в очень пожилом возрасте, выполненный, как видно, в последние годы его жизни, которые были омрачены и смертью дочери, и серьезными служебными неприятностями. Неаполитанские Бурбоны, которым он верно служил столько лет, не могли простить послу, что он на закате жизни осуществление своих патриотических чаяний об освобождении Италии от австрийского гнета возложил на «конституционалистов», творцов неаполитанской революции 1820 года, и призывал Россию оказать им поддержку, не заметив кардинального изменения политического курса Александра I и его стремления к союзу с Меттернихом. «Хотя конституционное движение было ему (Серракаприоле.— И. Б. и Ю. Г.) не по душе,— пишет в связи с этим Джузеппе Берти,— и этот старец не в силах был понять новые веяния, воодушевлявшие лучших людей его родины, он все же предпочел быть посланником неаполитанских конституционалистов, чем вассалом Австрии. Он умело и твердо защищал политику своего нового правительства, невзирая на все неприятности и беды, которые неминуемо должны были обрушиться за это на его голову... Серракаприола с должным тактом и обычной своей осторожностью усердно трудился над тем, чтобы представить в Петербурге неаполитанские события в наиболее выгодном свете. Его сын, который помогал ему уже в делах посольства, всячески поддерживал его в этом вопросе, действуя с большей смелостью, свойственной юности, и с меньшей осторожностью, но с тем же чувством ненависти к Австрии... Серракаприола и его сын, пусть они и занимали умеренные позиции, сочувствовали духу тех преобразований, которые были осуществлены в Неаполе (в результате революции 1820 года.— И. Б. и Ю. Г.), а их ненависть к Австрии, как и их сочувствие принципам конституционной монархии, была составной частью их политического мировоззрения». Недаром внук екатерининского генерал-прокурора Никола Серракаприола, пошедший по стопам отца и ставший крупным дипломатом (в 1839 году он был назначен послом в Париже), во время революции 1848 года возглавлял первый и второй конституционные неаполитанские кабинеты...

Антонино Серракаприола, пережив немилость короля, который упрекал его за сочувствие «конституционалистам», вслед за этим подвергся клеветническим нападкам прислужников Австрии, обвинявших его чуть ли не в государственной измене за симпатии к России и отравивших этим последние месяцы жизни старого дипломата.

Он умер 22 ноября 1822 года в Петербурге. «Третьего дня,— писал К. Я. Булгаков, петербургский почт-директор, своему брату — московскому почт-директору,— умер почтенный джук Серракаприола, о коем все генерально сожалеют. Кто говорит, что он повредил себе желудок, а кто, что подагра поднялась, и это кажется вероятнее. В воскресенье я видел его сына и племянников в концерте, следовательно, он не был еще серьезно болен. Добрый был старик, любил Россию и русских и ими был любим. Он еще не был стар, 73 года ему только что минуло».

В другом письме К. Я. Булгаков рассказывал: «Вчера был я на похоронах у дюка Серракаприола вместе со всем городом, все иностранные и наши министры, все генералы, дамы, одним словом, пересчитать можно тех, кои не были. Обедню служил и отпевал Сестренцевич; но все подробности, верно, будут в Консерватере, а я скажу только, что не видел я ни одного человека, который бы не сожалел о покойнике. Я ездил с Тургеневым (Александром Ивановичем.— И. Б. и Ю. Г.) и вместе сидели. Считая министров иностранных, он очень серьезно мне говорит: нет только французского, австрийского и неаполитанского, да бишь этот здесь. Он очень смешон с своими дистракциями».

Архив отца и матери Никола Серракаприола перевез в Италию. Принимая во внимание новые сведения, которые нам сообщил Джузеппе Берти, можно предполагать: в этом архиве были письма великого поэта. Правда, вряд ли, конечно, он запрашивал в этих письмах у официального представителя Неаполитанского королевства или у его жены подробности о тогдашних революционных событиях в Европе. Пушкин в ту пору не мог знать о тайных симпатиях неаполитанского посла и его жены, хозяйки знаменитого петербургского «легитимистского» салона, как не мог доверять почте свое любопытство по столь опасному предмету.

Пушкина могла интересовать семья неаполитанского посла и его жена, умершая в 1840 году в Петербурге, так и не побывав на родине своего мужа, по другим причинам. Не думал ли он, занявшись изучением екатерининской эпохи, найти у дочери генерал-прокурора А. А. Вяземского неизвестные письма императрицы и другие документы, имеющие отношение к теме восстания Пугачева?

Именно такая мысль прежде всего приходит в голову, когда знакомишься с «русским» архивом Серракаприолов, где представлены тысячи документов, отражающих события этого периода русской истории.

Рим — Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Бутурлины— друзья Пушкиных	3
Соррентийская загадка	48

Иван БОЧАРОВ,
Юлия ГЛУШАКОВА

БУТУРЛИНЫ —
ДРУЗЬЯ ПУШКИНЫХ

Из итальянских разысканий

Редактор Л. М. Наточанная

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 01.03.88. Подписано к печати 15.04.88. А 00331. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80
Усл. кр.-отт. 2,98. Учетно-изд. л. 4,45. Тираж 150000 экз. Зак. № 2085.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.